

Кэрол
Стивенс

ВОЙНЫ ЗА СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1460–1730

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА

ИСТОРИЯ

Современная западная русистика /
Contemporary Western Rusistika

Кэрол Стивенс

**Войны за становление Российского
государства. 1460–1730**

«Библиороссика»

2007

Стивенс К.

Войны за становление Российского государства. 1460–1730 /
К. Стивенс — «Библиороссика», 2007 — (Современная западная
русистика / Contemporary Western Rusistika)

ISBN 978-5-907532-64-9

Становление России как великой державы в XVIII веке обычно связывают с радикальной «западнической» программой реформ Петра I. Однако российские военные не просто копировали армии других стран: адаптируя наработки своих соседей с Запада и Востока, Россия сформировала собственное видение военной стратегии и тактики. Кэрл Стивенс рассматривает социальные и политические факторы, лежащие в основе военной истории государства, причины успехов Российской империи в XVIII веке и жертвы, принесенные ради этих успехов.

ISBN 978-5-907532-64-9

© Стивенс К., 2007
© Библиороссика, 2007

Содержание

Список карт	5
Благодарности	6
Список сокращений	7
Глоссарий	8
Хронология	11
Предисловие	19
Часть I	26
Глава первая	26
Предпосылки	26
Новый политический консенсус	29
Вооруженные силы Московского княжества	32
Глава вторая	38
Обзор	38
Консолидация	40
Военные преобразования	48
Экспансионистские войны	57
Заключение	64
Глава третья	66
Обзор	66
Казань	69
Военные реформы	70
Контурсы империи	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Кэрол Стивенс

Войны за становление Российского государства. 1460–1730

Список карт

1. Западная Евразия (ок. 1400)
2. Великое княжество Московское (1462–1533)
3. Казанский поход (1552)
4. Экспансия Российского государства (1533–1598)
5. Ливонская война и Смутное время (1558–1619)
6. Тринадцатилетняя война (1654–1667)
7. Южное пограничье Русского государства в XVII веке
8. Освоение русскими Сибири
9. Северная война
10. Полтавская битва; расположение армий перед началом боя

Благодарности

Выражаем благодарность за разрешение использовать следующие материалы, охраняемые авторским правом:

карта 1 – взята с сайта <https://euratlas.com>;

карты 2 и 4 – взяты из Атласа М. Гилберта [Gilbert 1989] с разрешения издательства «Weidenfeld & Nicolson», входящего в издательскую группу «The Orion Publishing Group Limited»;

карты 5 и 9 – взяты из книги Р. Фроста [Frost 2000] с разрешения издательства «Pearson Education Limited»;

карта 7 – взята из моей книги [Stevens 1995] с разрешения издательства «Northern Illinois University Press»;

карта 10 – взята из книги А. Констама [Konstam 1994], вышедшей в издательстве «Osprey Publishing Limited».

В ряде случаев установить владельцев авторских прав не удалось, будем благодарны за любую информацию, которая позволит сделать это.

Список сокращений

AAASS – Американская ассоциация содействия славянским исследованиям¹

CASS – Canadian-American Slavic Studies

CMRC – Cahiers du monde russe et soviétique

CSSH – Comparative Studies in Society and History

FzOG – Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte

JfGO – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas

SEER – Slavonic and East European Review

SR – Slavic Review

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

АИЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией

АМГ – Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИЗ – Исторические записки

ИИ АН СССР – Институт истории Академии наук СССР

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

¹ Переименована в Ассоциацию славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES) в 2010 году. – *Примеч. ред.*

Глоссарий

Военная кампания «без мест» – поход, в котором назначения на должности происходили вне зависимости от положения командиров в системе местничества и без местнических споров.

Бей – тюркский титул и звание, в частности, в Крымском ханстве.

Бояре – высшее сословие в Московском княжестве и Русском государстве.

Боярин – высший чин среди служилых людей «по отечеству», дающий право участвовать в заседаниях Боярской думы.

Боярская дума – совещательный орган при великом князе или царе.

Вагенбург (табор) – передвижное полевое укрепление из повозок для защиты от атак конницы. Вагенбург активно применялся армиями «степного типа»: османской, монгольской, венгерской и чешской.

Воевода – воинский начальник, иногда совмещавший военные и административные функции; вплоть до 1710-х годов – глава местного военно-административного управления.

Вотчина – наследственное земельное владение, которое, в отличие от поместья, принадлежало не казне, а знатной семье.

Гетман – глава казачьего войска.

Губерния – высшая единица административно-территориального деления, возникшая после Областной (Губернской) реформы Петра I.

Гуляй-город – русское передвижное полевое укрепление, составленное из повозок или щитов на колесах или полозьях.

Дворяне – привилегированное сословие в Русском государстве. В начале XVI века их статус был ниже, чем у детей боярских, в XVII веке – выше.

Дети боярские – привилегированное сословие в Русском царстве в конце XIV – начале XVIII века; вместе с дворянами входили в число служилых людей «по отечеству».

Думные дворяне, думные дьяки – чин и должность, возникшие при Иване Грозном. Думные дьяки составляли проекты решений Боярской думы и царских указов и ведали делопроизводством важнейших приказов.

Дьяки – руководители приказов; также письмоводители, секретари канцелярий.

Засечная черта – система оборонительных укреплений, применявшаяся для защиты южного пограничья Русского государства от крымско-татарских набегов.

Затинщики – люди «пушкарского чина», занимавшиеся обслуживанием крепостной артиллерии.

Земский собор – высшее сословно-представительное учреждение Русского государства; впервые был собран при Иване Грозном.

Земщина – основная часть территории Русского государства, не включенная в опричнину Иваном Грозным.

«Испанские рогатки» – искусственные препятствия в виде торчащей во все стороны живой изгороди из острых кольев.

Каптенармус – офицер в полках «нового строя», отвечавший за учет и выдачу оружия и боеприпасов.

Корволант («летучий корпус») – воинский отряд, состоявший из конницы, пехоты, перевозимой на лошадях, и легкой артиллерии. Сыграл ключевую роль в сражении под Лесной.

Кормление – практика, по которой присланные из столицы князем или царем должностные лица (как правило, наместники) содержались местным населением в течение всего периода службы.

Ландмилиция – род поселенного войска (земского ополчения), возникший в 1713 году.

Местничество – система распределения должностей в зависимости от знатности рода, существовавшая в Русском государстве. Отменено в 1682 году.

Мурза – аристократический титул в персидских и тюркских государствах, в частности, в Крымском ханстве.

Наместники – назначаемые великим князем или царем руководители местных органов управления; содержались за счет кормления. В XVI веке значение наместников стало уменьшаться.

Низовой корпус – соединение армии Петра I, созданное для участия в Персидском походе 1722–1723 годов.

Однодворцы – сословие, к которому принадлежали мелкие землевладельцы, зачастую не имевшие крестьян.

Окольничие – придворный чин и должность в Русском государстве; ниже бояр, но выше думных дворян.

Опричина – личный удел Ивана Грозного, вычлененный из состава Русского царства (1565–1572).

Пищальники – первая пехота Русского государства, вооруженная огнестрельным оружием – пищальями.

Побать – то же, что налог; например, подушная побать.

Полки «нового строя» – с 1623 года воинские части в составе русских вооруженных сил, формировавшиеся по образцу европейских армий.

Поместная система – порядок служилого землевладения в Русском государстве, по которому в награду за службу (в основном военную) служилый человек (как правило, из детей боярских или дворян) получал из казны в личное владение землю – поместье.

Поместный приказ – один из центральных органов управления в Русском государстве XVI–XVII веков, ведавший всем служилым землевладением (как поместным, так и вотчинным).

Приказ – до Петра I – орган управления в Русском государстве.

Пушечная изба, пушечный двор – центр пушечно-литейного производства в Русском государстве.

Разрядный приказ (Разряд) – орган военного управления в Русском государстве XVI–XVII веков, ведавший служилыми людьми, военным управлением, а также южными и восточными территориями России.

Редут – временное полевое укрепление.

Черкасы – экзоним украинских казаков, употреблявшийся в Русском государстве.

Четверть (четь) – мера площади пахотных земель в Русском государстве, часть единицы податного налогообложения (сохи).

Служилые люди «по отечеству» – представители высших сословий Русского государства, которые несли личную воинскую повинность и служили за свой счет в поместной коннице.

Служилые люди «по прибору» – представители незнатных сословий (стрельцы, казаки, пушкарские люди и т. д.), которые несли службу за денежное или хлебное жалованье.

Солдаты – пехотинцы в полках «нового строя».

Сотня – подразделение поместной конницы.

Стрельцы – вооруженные пищальями или мушкетами служилые люди «по прибору» (как правило, пехотинцы). Стрелецкое войско возникло при Иване Грозном.

Судебник – сборник законов Русского государства.

Тактика *gå-rå* («вперед!») – шведская тактика быстрого перехода к ближнему бою.

Удел – территория, находящаяся в отдельном владении князя. В этой книге речь по большей части идет об уделах, выделенных великими князьями своим младшим сыновьям, где те

правили фактически безраздельно, хотя сами уделы по-прежнему формально входили в состав великого княжества. В XV–XVI веках удельные княжества были ликвидированы.

Уложение (Соборное уложение) – свод законов Русского государства, принятый Земским собором в 1649 году.

Фискалы – учрежденная в 1711 году Петром I тайная служба, следящая за соблюдением законов.

Хан – титул правителя в государствах, образовавшихся после распада Монгольской империи: например, крымский хан, казанский хан.

Шляхи – степные дороги, по которым крымские татары, пересекая Оку и Угру, с юга проникали на европейскую территорию Русского государства (с торговыми или военными целями).

Ямские деньги – налог, взимаемый для содержания почтовой службы, возникшей еще при монголах.

Хронология

Часть I: 1450–1598

1420	Распад Золотой Орды Возникновение Казанского и Крымского ханств
1425–1462	Правление Василия II Темного Междоусобная война в Московском княжестве
1453	Захват Константинополя турками-османами
1456	Московско-новгородская война. Подписание Яжелбицкого мирного договора. Ограничение независимости Новгорода
1462	Вступление на московский престол Ивана III «Собирание русских земель» вокруг Москвы, в частности:
1462	Походы русской армии в северо-восточные земли
1463	Присоединение Ярославского княжества
1465	Поход на Югру
1471–1478	Окончательное присоединение Новгорода (хотя военные действия против новгородцев и конфи- скации земель происходили и позднее)
1470-е — 1480-е	Пограничные конфликты с Великим княжеством Литовским
1485	Присоединение Тверского княжества
1466 или 1468	Путешествие тверского купца Афанасия Никитина в Индию
1467–1469	Вмешательство Московского княжества в междо- усобные войны в Казанском ханстве

- 1472 Неудачный поход татар на Русь. Сражение под Алексином
- 1480 Участие Москвы в союзе с Крымским ханством в «стоянии на Угре» против Большой Орды и Великого княжества Литовского
- 1480–1493 Конфликты между Псковом, Новгородом, Ливонским орденом и Москвой
- 1485 Начало строительства Московского Кремля
- 1486–1487 Вмешательство Московского княжества в междоусобные войны в Казанском ханстве
- 1490-е Вступление Молдавии в крымско-московский союз против Польши и Литвы
- 1492–1494 Ухудшение отношений между Московским государством и Литвой
- 1492 Основание Ивангорода
- 1494 Начало 20-летнего перерыва в торговле между ганзейскими городами и Новгородом
- 1500–1503 Война с Великим княжеством Литовским. Поддержка Ливонским орденом Литвы
- 1500 Распространение поместной системы
- 1500 Победа над литовским войском в Ведрошской битве
- 1505 Вступление на московский престол Василия III
- 1507–1508 Русско-литовская война
- 1510 Присоединение Пскова к Московскому княжеству
- 1510-е Распад союза между Москвой и Крымским ханством
- 1510-е — Вмешательство Московского княжества в междоусобные войны в Казанском ханстве
- 1512–1522 Русско-литовская война. Пятилетнее перемирие
- 1513–1514 Три осады Смоленска. Захват Смоленска русским войском
- 1514 Поражение русского войска в битве под Оршей
- Союз Крымского ханства с Литвой
- 1521 Крымское войско под Москвой

1522	Первое упоминание о гуляй-городе
1523	Основание Васильсурска — русской крепости-форпоста на территории Казанского ханства
1527	Завершение строительства цепочки крепостей для защиты южных земель Русского государства
	Продление перемирия с Литвой до 1534 года
Конец 1520-х	Улучшение отношений между Москвой и Казанью
1533	Вступление на престол Ивана IV (регент — его мать, Елена Глинская)
1547	Коронация Ивана IV «царем всея Руси»
1551	Строительство крепости Свияжск недалеко от Казани
1550-е	Период важных реформ, в том числе: Учреждение стрелецкого войска Судебник 1550 года Уложение о службе
1545–1552	Казанские походы. Взятие Казани в октябре 1552 года
1554, 1556	Астраханские походы. Покорение Астраханского ханства
Конец 1550-х	Строительство крепостей для защиты новых территорий на юге Русского государства
1557–1558	Неудачные походы Ивана IV на Крым
1558–1583	Ливонская война
1558–1563	Успешные действия русских войск в Ливонии
1559–1560	Неудачные походы Ивана IV на Крым
1562–1563	Полоцкий поход. Военные неудачи русской армии
1563–1570	Северная семилетняя война
1565	Введение опричнины
1569	Неудачный поход турок на Астрахань Люблинская уния. Объединение Великого княжества Литовского и Королевства Польского в государство Речь Посполитая

- 1571 Разграбление и сожжение Москвы войсками крымского хана Девлет-Гирея
- 1572 Роспуск опричнины
Новый поход крымского хана Девлет-Гирея на Москву. Разгром крымского войска
В последующие годы — реорганизация южных оборонительных рубежей Русского государства
- 1577–1582 Разорение Руси. Обеднение и обезлюдение исконных русских земель
- 1580–1581 Заповедные лета. Запрет на переход крестьян от одного хозяина к другому
- 1582 Ям-Запольский мир
- 1583 Первое Плюсское перемирие. Отход Нарвы и Ивангорода Швеции
- 1582 Захват Ермаком столицы Сибирского ханства
- 1584 Вступление на престол Федора I (регент — его шурин, Борис Годунов)
- 1590–1595 Русско-шведская война на восточном побережье Балтийского моря
Продолжение строительства крепостей на южной границе
- 1591 Гибель царевича Дмитрия (младшего сына Ивана IV) в Угличе
- 1595 Тявзинский мирный договор. Окончание русско-шведской войны
- 1595–1602 Строительство Смоленской крепостной стены
- 1598 Смерть царя Федора I. Отсутствие наследников. Начало Смуты

Часть II: 1598–1697

- 1598 Избрание на царство Бориса Годунова
- 1601–1603 Великий голод
- 1604 Поддержка «царевича Дмитрия» в юго-западных землях

- 1605 Краткое правление царя Федора II Годунова
Поход армии Лжедмитрия I на Москву
Битва при Добрыничах. Наемник капитан
Ж. Маржерет
- 1605–1606 Царствование Лжедмитрия I
- 1606 Убийство Лжедмитрия I. Царь Василий Шуйский
- 1606–1607 Восстания Болотникова, «царя Петра» и Лжедмитрия II
- 1608–1610 Тушино — столица Лжедмитрия II
- 1608 Поход армии Лжедмитрия II на Москву
Переговоры Василия Шуйского со Швецией
и Речью Посполитой
- 1610 Свержение Василия Шуйского с престола
Признание царем польского королевича
Владислава
- 1610–1612 Оккупация польскими войсками Москвы
Народные ополчения
- 1612 Освобождение Москвы от польской оккупации
народным ополчением под руководством Минина
и Пожарского
- 1613 Избрание на царство Михаила Романова. Конец
Смуты
- 1617 Заключение Столбовского мира. Окончание
русско-шведской войны
- 1618 Деулинское перемирие. Окончание русско-польской
войны
- 1618–1648 Тридцатилетняя война
- 1632–1634 Смоленская война
Неудачная осада русскими войсками Смоленска
Использование полков «нового строя»
Поляновский мир
- 1635–1653 Строительство Белгородской засечной черты для
защиты южных рубежей Русского государства
Образование Белгородского разряда

1645	Вступление на престол Алексея Михайловича
1640-е — 1650-е	Строительство Симбирской засечной черты
1648–1654	Восстание Богдана Хмельницкого
1649	Соборное уложение. Окончательное закрепощение крестьян
1654	Переяславский договор. Присоединение Украины к России
1654–1667	Тринадцатилетняя война между Русским государством и Речью Посполитой
1656–1661	Русско-шведская война
1657	Смерть Богдана Хмельницкого
1659	Ужесточение войны с Речью Посполитой Поражение и большие потери русской армии в Конотопской битве
1660-е Конец 1660-х	Активное использование полков «нового строя» Продолжение боевых действий
Конец 1680-х	Значительные потери и разрушения на Правобережной Украине
1667–1671	Восстание Степана Разина
1676	Вступление на престол Федора III
1678–1681	Русско-турецкая война. Бахчисарайский мирный договор
1679	Начало строительства Изюмской черты. Массовое переселение украинцев
1678–1682	Военная реформа. Отмена местничества
1682	Смерть царя Федора III. Совместное правление его братьев, Петра I и Ивана V (регент — их сестра, Софья)
1686	Заключение «Вечного мира» с Речью Посполитой Вступление Русского государства в Священную лигу
1687	Первый неудачный Крымский поход

- 1689 Заключение Нерчинского договора. Установление русско-китайской границы по Амуру
- 1689 Второй неудачный Крымский поход
Свержение Софьи
Начало совместного правления царей Петра I и Ивана V
- 1695 Первый Азовский поход Петра I. Поражение русского войска
- 1696 Второй Азовский поход Петра I. Выход России к южным морям

Часть III: 1698–1730

- 1696 Смерть царя Ивана V. Единоличное правление царя Петра I
- 1697–1698 «Великое посольство» Петра I
- 1698 Стрелецкий бунт
- 1699 Подготовка к войне со Швецией
- 1700 Начало Северной войны
- 1700 Битва при Нарве. Разгром русских войск армией Карла XII
- 1701–1706 Военные действия шведских войск в Польше
Успешные русские кампании на Балтике
- 1705 Введение всеобщей рекрутской повинности
- 1705–1706 Астраханское восстание
- 1707–1708 Восстание Булавина
- 1708–1709 Русский поход Карла XII
- 1708 Битва при Лесной. Потеря шведской армией обоза
Гетман Мазепа переходит на сторону Карла XII
- 1709 Полтавская битва. Разгром шведской армии
Отступление шведских войск на территорию Османской империи
Продолжение войны на Балтике
- 1710–1711 Русско-турецкая война
- 1711 Неудачный Прутский поход

1711	Создание Правительствующего Сената Быстрая институционализация власти
1713, 1723	Формирование ландмилиции
1721	Завершение Северной войны. Ништадтский мирный договор
1722–1723	Русско-персидская война Создание Низового корпуса
1725	Смерть Петра I. Вступление на престол Екатерины I
1727	Смерть Екатерины I. Вступление на престол Петра II (1727–1730)
1732	Возврат Россией Персии всех прикаспийских провинций

Предисловие

Я рада добавить несколько слов к предисловию этого расширенного русскоязычного издания моей книги 2007 года «Войны за становление Российского государства, 1460–1730». Изначально книга была написана для англоязычной аудитории, но была несколько переработана для новых русскоязычных читателей, надеюсь, предмет исследования этой книги будет им интересен и они прочтут ее с удовольствием. Я хотела бы поблагодарить издательство «Academic Studies Press» (в особенности Ольгу Петрову и Валентину Кучерявенко) за помощь в подготовке к публикации. Особая благодарность редактору Маргарите Маркушиной за перевод, ценные исправления, наше совместное обсуждение наилучшего способа передачи смысла и в целом за помощь в подготовке издания для русскоязычной аудитории – я не могла и мечтать о лучшем партнере в этом деле.

КС, 2022

В этой книге рассказывается о развитии военного устройства России и его связи с социальными, административными и идеологическими переменами в русском обществе. Описываемый исторический период составляет почти 300 лет – с правления Ивана III (XV век) до наследников Петра I (первая треть XVIII века). Все началось с возвышения Московского княжества, которое после падения Монгольской империи стало одним из значимых военных соперников в Западной Евразии. С 1240-х годов Москва и ее соседи были сателлитами огромного степного конгломерата, соединявшего Восточную Европу с Персией и Китаем. Монголы создали и сохранили свою империю с помощью стремительных и быстро мобилизуемых армий конных лучников, вышедших из бескрайних и малонаселенных степей. Московское княжество, как и другие земли, находившиеся на периферии этой степной сверхдержавы, переняли у монголов некоторые успешные военные стратегии и принципы организации войска. Главной боевой силой московского войска тоже были конные лучники. Порох и пушки, появление которых привело в начале XV века к существенным переменам в военном устройстве и тактике в Западной Европе, не обладали такой ценностью для степной армии. Пушки и артиллерия могли только замедлить скорость передвижения быстрых конных формирований. Поэтому, хотя и в Московской Руси, и в татарских ханствах знали о порохе и использовали кое-какое огнестрельное оружие, оно не имело для них такого важного военного значения, как для стран Западной Европы.

Однако начиная с Ивана III военные задачи Московского княжества (с 1478 года – Русского государства) стали меняться – сначала медленно, а затем все более и более стремительно. В течение многих лет оно продолжало опираться на степные методы ведения войны с дальними набегами, захватом пленных и разорением захваченных земель, и ключевую роль в московском войске играли конные лучники. Однако конец XV и большая часть XVI века стали для Русского государства периодом быстрой экспансии. Оно все чаще вступало в военное противостояние с Османской империей, армиями Ливонского ордена и стран Балтии, с Польшей и Великим княжеством Литовским, а также защищало свои протяженные степные границы. В связи с этим – при сохранении прежнего военного устройства – все большую роль стали играть строительство крепостей и огнестрельное оружие. В то же время для ведения войн против новых и больших соседей нужны были более многочисленные, надежные и лучше снабжаемые армии. Благодаря войнам, происходившим все XVII столетие, и эволюции бюрократического аппарата Русское государство обзавелось армией совершенно нового типа – очень большой, но включавшей в себя полки (как пехотные, так и кавалерийские), обученные обращению с огнестрельным оружием.

К 1730 году Россия во многом решила свои новые военные задачи. Она практически сравнялась с современными ей европейскими странами, не пожертвовав при этом обороной своих по-прежнему важных степных границ. Многочисленные реформы XVII века заложили фундамент для реорганизации русской армии, выполненной Петром I (и многих других его нововведений). Успешность этих перемен отчасти была подтверждена победой русской армии в длительной и изматывающей войне со Швецией, ведущей военной державой на Балтике. В территориальном плане итоги Северной войны (1700–1721) были не такими впечатляющими по сравнению с приобретениями, сделанными Русским государством в предшествующем столетии (Украина и Сибирь). Однако в символическом смысле полученный выход к Балтийскому морю означал отход России от статуса «степного государства» и включение ее в сообщество великих европейских держав (наряду с Османской империей). Армия и флот, благодаря которым Россия и добилась такого успеха, обладали теми же ключевыми характеристиками, что и вооруженные силы других ведущих стран: правительство само решало, сколько ему нужно людей и ресурсов для военных целей, и не только контролировало военные технологии и организацию, но и обладало достаточным общественным и политическим влиянием, чтобы содержать (в основном и за казенный счет) крупную, постоянную и обученную армию. Однако при этом русские вооруженные силы начала XVIII века имели некоторые отличия от европейских армий (и флотов) раннего Нового времени. Так, например, для защиты России от степных набегов все еще необходимо было содержать земское ополчение (ландмилицию). В русской армии в процентном соотношении значительно преобладала кавалерия, а флот в большей степени играл вспомогательную роль, нежели являлся самостоятельной военной силой. Тем не менее военные историки сходятся в том, что России удалось создать «современные» вооруженные силы, которые в наступившем столетии не уступали военной мощи других европейских держав. Правление жены и сына Петра I после его смерти продемонстрировало, что петровские реформы сформировали стандарт военного устройства России.

Это поразительное преобразование русского военного устройства, длившееся три века, потребовало значительных усилий со стороны Русского государства и его наследницы – социально, этнически и конфессионально разнородной Российской империи. Отдельные аспекты этой трансформации (например, военные реформы Петра I) и возникающие в связи с ней вопросы более общего характера (в чем была причина Стрелецкого восстания?) горячо обсуждаются историками и военными теоретиками. Для других ответы на эти вопросы имеют важное политическое, патриотическое и культурное значение. Эта книга является синтезом различных интерпретаций и источников, возникшим благодаря оживленному и продолжающемуся до сих пор обмену идеями. В то же самое время надеюсь, что мой труд стимулирует дальнейшее обсуждение этой темы. Некоторые важные моменты, о которых идет речь в этом исследовании, заслуживают того, чтобы проговорить их с самого начала.

Прежде всего, историки уже давно обратили внимание на сходство между военными преобразованиями в Центральной и Западной Европе и Османской империи раннего Нового времени. С середины 1950-х годов обсуждение этого сходства велось в основном вокруг такого понятия, как «военная революция»². М. Робертс высказал предположение, что серия важных изменений произошла в военном деле по большей части между 1550 и 1650 годами, когда широкое распространение получило огнестрельное оружие, а в армии и на флоте важнейшую роль стало играть вооружение пехоты. В первую очередь изменилась тактика: отдельные рыцари и лучники постепенно уступили место обученным людям, вооруженным огнестрельным оружием; поскольку эти солдаты были объединены в отряды под командованием выше-

² Комплекс военных технологических, стратегических, тактических и организационных инноваций, приводящий к появлению новой системы организации военного дела, а вслед за этим к кардинальной перестройке социально-политической и экономической системы общества. Термин введен историком М. Робертсом во вступительной лекции «Военная революция, 1560–1660» в Королевском университете Белфаста в 1955 г. – *Примеч. ред.*

стоящих офицеров, изменились и их функции на поле боя. Во-вторых, резко выросла численность таких армий, так как правительства оказались способными мобилизовать все больше и больше людей и ресурсов. Возникновение больших армий привело к переменам в стратегии и маневрировании, позволившим перемещать большое количество солдат на значительные расстояния, несмотря на сопутствующие расходы и сложности. Наконец – и, это, вероятно, самое главное, – Робертс обратил внимание на то, каким образом политическое и социальное устройство общества влияло на происходившие военные преобразования. Например, общество, где главенствующую политическую роль играли независимое дворянство и аристократия, чьи представители были рыцарями или кавалеристами, могло противиться усилению влияния пехоты, находившейся в подчинении у короля. С другой стороны, государства разрабатывали изощренные административные методы и изыскивали источники финансирования, которые позволяли им круглый год содержать большие обученные армии. Были и другие важные факторы, в частности, воинская дисциплина (будут ли солдаты подчиняться своим офицерам?). После того как Робертс первым сформулировал это понятие, Дж. Паркер и другие ученые расширили и уточнили определение такого явления, как «военная революция». Так, Дж. Блэк и некоторые другие исследователи возражали против концепции революционной трансформации, случившейся в какой-то конкретный период, говоря о последовательности изменений, происходивших на разных ключевых этапах истории. Однако все историки согласны с тем, что к XVIII веку в Европе и Османской империи произошли радикальные перемены в военном устройстве [Робертс 1955; Блэк 1991; Паркер 1996]³.

Очевидно, что и перемены в русском военном устройстве в значительной степени происходили по сценарию, изложенному в предыдущем абзаце. К началу правления Петра I Россия имела в своем распоряжении обученные (в том числе и тактически) пехотные и кавалерийские полки, выполняющий вспомогательную функцию флот и различные административные структуры, благодаря которым все эти войска могли выйти на поле боя.

Однако трансформация военного устройства русского государства происходила не совсем так, как в Европе. Россия не участвовала в первом этапе военных преобразований в раннем Новом времени, инициаторами которых выступили испанские Габсбурги; тогда русская армия представляла собой мобильную степную кавалерию. В действительности Русское государство не участвовало в европейско-османском военном взаимодействии, по крайней мере, до второй половины XVI века. Даже после Петра I русское военное устройство сохранило некоторые нетипичные черты: в частности, ландмилицию, занимавшуюся защитой границ, и необычайно высокий процент кавалерии. Одно из объяснений этих особенностей, озвученное некоторыми лидерами Российского государства – в том числе и самим Петром I, – заключалось в том, что отсталая и пребывающая в стагнации Россия пыталась, насколько это было в ее силах, перенять западные (то есть европейские) военные стандарты. Другая же точка зрения, несомненно, возникшая отчасти как реакция на предыдущую версию, апеллирует к «особому пути» России: необычные и зачастую конфликтующие друг с другом военные задачи, стоявшие перед Русским государством в начале Нового времени, привели к тому, что его военное устройство стало уникальным.

В этом исследовании представлена несколько иная точка зрения. Военное преобразование России было в том числе и геополитическим. К XVIII веку главные военные и дипломатические задачи, стоявшие перед Москвой, заключались уже не во взаимодействии со степными соседями и войной на южных границах: русская империя расширила свои границы, и на первый план во внешней политике вышло соперничество с Константинополем и Европой. Разумеется, эта перемена неизбежно привела к сознательному заимствованию и копированию важ-

³ Различные точки зрения по этому вопросу, который по-прежнему далек от разрешения, приведены в сборнике под редакцией К. Роджерса [Rogers 1995].

ных элементов военного устройства новых конкурентов. Однако, хотя геополитический фокус России сместился в сторону Запада, ее окружение и некоторые старые враги никуда не делись. Не только Русское государство, но и Габсбурги, турки, войска Речи Посполитой и шведы часто вынуждены были сражаться на окраинах территории, которую мы сейчас называем Восточной Европой. Речь идет об огромных пространствах со сравнительно малой плотностью населения: от открытой, поросшей травой степи на юге до Пинских болот на севере. В доиндустриальном мире участие в боевых действиях на таких территориях предъявляло особые требования к организации армии и ее снабжению – совершенно иные, чем, например, для ведения войны в Западной Европе. Оборонительные сооружения и преобладающая кавалерия были в таких условиях необходимыми средствами, которые применялись не только Россией, но и другими странами, воевавшими на этих территориях. Поскольку такое военное устройство было типичным для всего восточноевропейского приграничья, можно говорить о том, что здесь идет речь о другой ветви военной эволюции, и в данном случае не очень уместно рассуждать об этом в терминах отсталости или модернизации. В случае России (и других стран) эта «военная революция в [северо-]восточной Европе» зависела от политических, административных и социальных факторов [Frost 2000: 310].

Перемены в военном устройстве связаны не только с чисто военными или технологическими факторами. Еще одна важная особенность этой книги состоит в том, что в ней делается акцент на военных преобразованиях в широком смысле этого понятия, а не только на изменениях в военной организации как таковой. В книге описывается, как политическое устройство, интересы элиты, геополитика, экономика и социальная структура русского общества повлияли на военные преобразования, произошедшие в России в раннем Новом времени. Вот несколько примеров.

Для понимания процессов, лежащих в основе военного преобразования Русского государства, крайне важно учитывать политические изменения, происходившие в России. В раннем Новом времени европейская часть России была очень малонаселенной, ее сельская экономика была самодостаточной, но никак не процветающей. По этой причине военное устройство Русского государства зависело от того, насколько эффективно правительство сумеет мобилизовать и использовать свои скудные и разбросанные по большой территории ресурсы. Решение этой проблемы потребовало от политических и административных институтов России принятия ряда мер, среди которых историки особо выделяют распространение поместной системы. В результате в начале 1500-х годов в награду за верную службу в царской армии представители элиты стали получать от великого князя в личное владение казенные земли. Благодаря этому в первой части XVI столетия Русскому государству удалось переманить людей из частных армий и укрепить собственную политическую и военную мощь. С течением времени эта военная служба приобрела постоянный характер, и в распоряжении московского царя оказалась огромная армия, на создание которой было потрачено минимум средств из казны.

Для русской элиты важнейшими – и тесно связанными между собой – индикаторами социального статуса были занимаемая военная должность и положение при дворе. Однако в начале XVII века возникла необходимость в замене войска старого образца, в которое входила дворянская конница XVI века, массовой армией, состоящей из пехотных и кавалерийских полков. Достижение этой цели требовало очень аккуратной и постепенной перестройки системы социально-политических ценностей элиты. Помимо всего прочего, требовалась правовая кодификация крепостничества.

Наконец, экономические и административные вопросы военных преобразований – как проводить рекрутский набор, выплачивать жалованье и содержать армию – тоже следует рассматривать в контексте развития органов государственной власти и перемен в русском обществе. Для того чтобы понять все сложности, связанные с реформированием военного устрой-

ства России в раннем Новом времени, крайне важно иметь представление обо всей картине в целом.

Еще одним предметом этого исследования является природа русских военных инноваций. Хотя Московское княжество и наследовавшие ей Русское государство и Российская империя, безусловно, проводили экспансионистскую политику, нельзя сказать, что она носила постоянный или единообразный характер. Однако, как и большинство других народов, русские, выходя на поле боя, как правило, хотели победить. Для этого их правителям приходилось постоянно решать новые военные задачи и зачастую прибегать к инновациям. По мере того как империя увеличивалась в размерах и ее войска сталкивались с различными соперниками, использующими неизвестные ранее способы военного устройства, русские заимствовали или адаптировали формы организации армии своих врагов. Насколько можно судить по документальным источникам, русские использовали иноземные военные практики, внедряя их чрезвычайно практичным опытным путем. Заимствование военных инноваций у успешного противника было обычным явлением (и остается таковым до сих пор). В раннем Новом времени турки, французы и венецианцы постоянно перенимали друг у друга те или иные методы организации армии и флота или ведения боя, зачастую после того, как эти новшества были успешно применены в битве против них самих. Точно так же и Московское княжество в XIV веке опиралось на конное войско, скопировав его устройство у своих степных соседей, а Петр I в начале XVIII века осознанно взял за образец организационные принципы шведской армии.

Хотя все это представляется очевидным и не вызывает удивления, следует тем не менее добавить к вышесказанному еще несколько слов, чтобы окончательно прояснить некоторые моменты. Прежде всего, говоря об экспериментальном использовании военных нововведений на практике, имеют в виду, что теории «искусства войны» и связанных с этим дискуссий практически не было. В какой-то степени это утверждение справедливо в отношении всего описываемого исторического периода, а не только ситуации в России. Например, в Нидерландах, где существовала печатная литература о военной теории и организации армии, военные инновации возникали как благодаря этим письменным руководствам, так и в неменьшей степени на основании практического опыта, полученного на поле боя [Parker 1988: 21–22]. Однако Русское государство совершенно не участвовало в каком-либо обсуждении (в печатных изданиях) военной теории и принципов военного устройства вплоть до правления Петра I и его наследников. Поэтому военные преобразования в России были следствием использования информации и опыта, полученных в ходе прямых контактов – от наемников, на поле боя или путем дипломатии. Хотя получению такой информации способствовала (или препятствовала) идеологическая, религиозная или политическая близость России с той или иной страной, все эти факторы не играли решающей роли. Опыт – вот что было главным. Поэтому, когда Россия заимствовала такие нововведения, она, как правило, не воспроизводила «степное» или «европейское» военное устройство. Скорее, перенимались конкретные вещи, взятые на вооружение теми или иными армиями – в основном непосредственными противниками России – шведами или поляками. Как было сказано выше, адаптация этих новшеств зачастую требовала взаимодействия с внутренними политическими и общественными институтами. В качестве промежуточного результата военные преобразования в России приобрели некоторые региональные черты восточноевропейских армий.

Поскольку Россия участвовала в военных конфликтах не только с однотипными европейскими армиями, то некоторые особенности русского военного устройства, в том числе и заимствованные у соседей, пришли не с Запада. Из-за того, что историки гораздо больше пишут о том, какое влияние на военные реформы в России оказала Европа, в тени остается роль, сыгранная в формировании военного и социального устройства Русского государства его южными соседями. И речь здесь идет не только об обладающей огромной административной и воен-

ной мощью Османской империи, действующей через своего союзника – Крымское ханство, но и о степных кочевниках, чьи постоянные набеги веками были угрозой для Русского государства и наследовавшей ему Российской империи. Природа этого военного (и социополитического) влияния южных соседей на Россию изучена гораздо хуже, хотя нет сомнений, что это воздействие было существенным и разносторонним. Так, например, засечные черты на южных рубежах России были новым словом в использовании оборонительных ресурсов, а в приграничных областях возникало аномальное социальное пространство, благодаря которому Русскому государству проще дался переход к регулярной армии.

Не стоит, однако, представлять это таким образом, будто бы Россия вела войны двух разных типов – одну на юге, другую на западе. В самые успешные периоды существования Русского государства (и Российской империи) военные инновации, за которыми стояли определенные социальные и политические институты, распространялись на всю русскую армию целиком. Пищали использовались как при «стоянии на Угре», так и при присоединении Пскова. Стремительные конные набеги и гуляй-город составляли основу ведения боевых действий как на востоке, так и против Великого княжества Литовского. Отряды засечной стражи, защищавшие южные границы империи, к 1720-м годам могли как нанести ответный кавалерийский удар, так и выступить в поход на запад. Короче говоря, военные и технологические инновации, появлявшиеся в русской армии, позволяли ей действовать скоординированно и единообразно в боевых противостояниях с любыми противниками.

Таким образом, военные преобразования, происходившие в России в раннем Новом времени, представляли собой синтез русского военного устройства, в основе которого лежали свои специфические задачи и механизмы, с европейскими технологиями и инновациями, возникшими в Западной Евразии, где были существенно иные условия. К середине XVIII века эта «гремячая смесь» стала представлять собой очень мощную военную силу.

Работая над книгой, автор становится «должником», обращаясь за интеллектуальной и иной помощью. Выражаю огромную благодарность многим людям за содействие и советы, без которых эта книга никогда не была бы написана. Любое историческое исследование основано на работах предшественников и современников автора, не все из которых оказываются упомянуты в библиографии. Я хочу поблагодарить Брайана Дэвиса, Пола Бушковича, Джанет Мартин, Роберта Фроста, Виктора Остапчука, Маршалла По, Евгения Анисимова, Линдси Хьюз, Александра Каменского, Чарльза Гальперина, Элизу Киммерлинг-Виршафтер, Бена Баркера-Бенфилда и многих других людей, особенно в библиотеках и архивах, за ценные замечания и прекрасные беседы, полезные предложения и внимательное чтение частей рукописи. Я также крайне благодарна всем тем, кто принял участие в обсуждении моих сделанных на конференциях докладов, материалы из которых вошли в эту книгу: «*Muscovy, identity and cultural diversity*» (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, 1993; и на русском языке (М.: ИТЗ-Гарант, 1997)); «*Peter the Great*» (Гарньяно, Италия, 1997); «*The Russian army and society*» (Кембридж, Массачусетс, 2000); «*Modernizing Muscovy*» (Кембридж, Массачусетс, 2001); «*Writing military history*» (Гамильтон, Нью-Йорк, 2002) и «*Lives of old Muscovy*» (Кембридж, Массачусетс, 2003). Университет Колгейт предоставлял мне отпуска, оказывал поддержку и оплачивал дорожные расходы. Американский Совет по международным исследованиям и научным обменам (АЙРЕКС) выделил мне финансирование, что позволило закончить работу над периодом перехода власти к Петру I. Друзья и семья дарили мне свое время и поддерживали морально. Большое спасибо им всем.

Есть еще несколько человек, которых я должна поблагодарить отдельно. Эндрю Макленнан, до недавнего времени работавший в издательстве «Longman Publishing», утвердил первое английское издание, когда я только начала писать книгу, и поддержал меня в этой работе. Покойный профессор Хэмиш Скотт член Британской академии (на тот момент сотрудник

Сент-Эндрюсского университета и впоследствии сотрудник Колледжа Иисуса в Оксфордском университете), предложил мне саму идею написания этой книги и с самого начала был ее образцовым редактором. Я высоко ценю терпение, проявленное им в период долгого «созревания» книги, внимательность, с которой он редактировал мой текст и предлагал правки с целью сделать его лучше, а также поддержку и заботу, которые он оказывал мне в ходе работы над этим проектом. И в завершение хочу поблагодарить моего мужа, Филипа Юнинского, роль которого в создании этой книги колоссальна.

Ответственность за все допущенные в книге ошибки лежит только на мне.

Часть I 1450–1598

Глава первая Возвышение Московского княжества, ок. 1450 года

Предпосылки

В первой половине XV столетия Московское княжество все еще было относительно небольшим государством по сравнению с некоторыми евразийскими соседями. Его территория, по форме напоминавшая большой, обращенный в сторону запада полумесяц, граничила с землями Ростовского, Тверского и Ярославского княжеств, но к тому моменту еще их не поглотила. В самой широкой части, на юге, расстояние между западной и восточной границами Московского княжества составляло примерно 800 км. Если говорить о протяженности с севера на юг, то в восточной части она, возможно, была чуть большей. Все эти земли на северо-востоке Европейской части России относились к районам с суровыми климатическими условиями, и это сыграло важную роль в формировании и развитии Русского государства в раннее Новое время (XV–XVIII века). На севере русских земель располагались огромные холодные пространства, покрытые вечнозелеными лесами (тайгой), в которых охота на пушного зверя и прочий лесной промысел были более надежными источниками дохода, чем одно лишь земледелие. Далее к югу большая часть крупных городов и населения находилась в зоне смешанных лесов. Здесь, несмотря на северный климат и короткий вегетационный период, можно было заниматься земледелием, а в одном месте – рядом с Владимиром – условия для этого были превосходными. Леса также служили защитным барьером, отделявшим эти территории от открытой степи, на чьи богатые земли, торговые пути и кочевые племена, совершавшие набеги, московские правители взирали одновременно и с интересом, и с опаской.

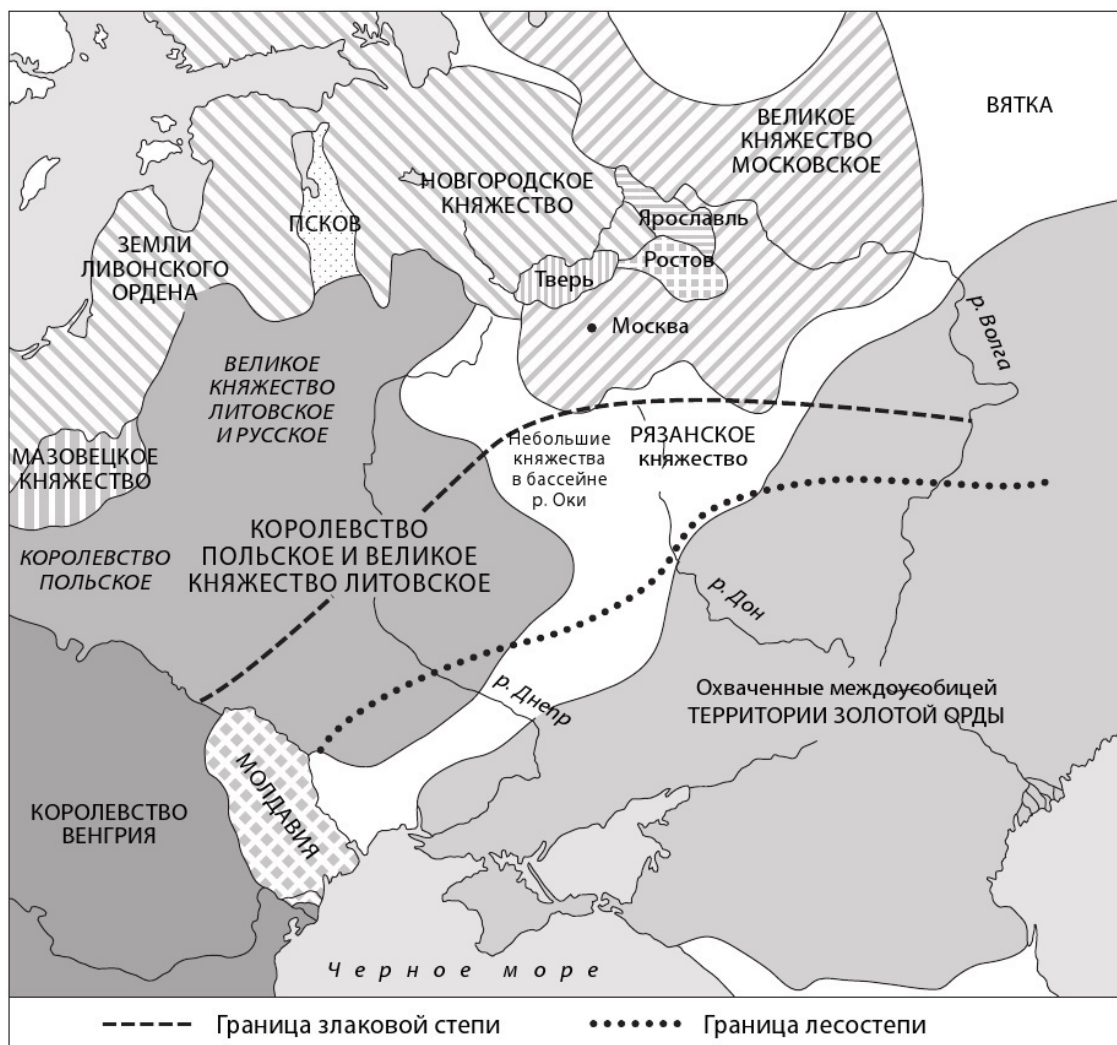
В первой половине XV века в Московском княжестве проживало мало людей, и плотность населения была очень низкой. Даже в южных землях она, по всей видимости, была менее 7 человек на квадратный километр [Gohrke 1978: 74]. Крестьяне жили в изолированных деревнях, выращивая рожь и овес, занимаясь лесным промыслом и скотоводством. Небольшие и отдаленные деревни просто-напросто перемещались на новые места, когда на прежних землях заканчивались природные ресурсы и истощалась почва. В деревнях, расположенных ближе к столице Московского княжества, рост и некоторое увеличение плотности населения приводили к тому, что эти места обитания становились более постоянными и их жители использовали иные методы ведения сельского хозяйства. Помимо лесного промысла и земледелия население Московского княжества занималось торговлей – по преимуществу (но не только) пушниной, солью, кустарными изделиями и лесом; торговые пути вели через открытую степь на юг в Крым и Юго-Западную Европу. В начале XV века на этих землях правили те, кто собирал налоги с плодов всей этой экономической деятельности: православные монастыри и знатные землевладельцы, взимавшие подати с крестьян (которые могли перейти к другому хозяину, если аппетиты предыдущего владельца были слишком большими); доходы с ярмарок и дорожные пошлины шли на содержание городов и княжеств. Центральное место в этой идеологической и политической системе принадлежало московскому князю: верховному правителю, который поглотил соседние княжества и добился того, что их жители присягнули ему на верность.

В ту эпоху территории на северо-западе Евразии обладали очень скудными экономическими, бюрократическими и демографическими ресурсами. Соответственно, и военная мощь обеспечивалась не конкурентным преимуществом в области стратегии и технологий. Ключевую роль здесь играла способность князя утвердить свою политическую власть, несмотря на все географические и институциональные ограничения; хотя это было самой важной задачей правителя, добиться этого было совсем непросто. В частности, для этого требовались социальная стабильность и поддержка со стороны лояльной князю политической элиты.

Незадолго до 1450 года в фундаментальном экономическом и политическом устройстве Московского княжества произошли две кардинальные перемены. Во-первых, там, как и во всем остальном мире, случилась демографическая катастрофа, связанная с «Черной смертью». В 1350-е годы и во время повторных вспышек, продолжавшихся вплоть до 1400-х годов, чума опустошила земли Московского княжества и его соседей. Здесь особенно важно отметить тот факт, что в результате эпидемии сильно пострадала Золотая Орда – образовавшееся в западной части Монгольской империи и властвовавшее над степными торговыми путями государство, которому Московское княжество платило дань. Демографическая катастрофа в совокупности с междоусобицами и экономическим кризисом привели к распаду Золотой Орды. В начале XV века Золотая Орда раскололась на три или четыре ханства и потеряла контроль над торговыми путями, лежавшими через степь. Во-вторых, в 1430–1450-х годах в Московском княжестве случилась междоусобная война. С 1380 года до начала этих событий Московское княжество переживало период турбулентной, но на удивление стремительной экспансии. Оно утвердилось в качестве политического наследника Великого княжества Владимирского, укрепило свои позиции благодаря альянсу с Восточной православной церковью, обладавшей духовной и политической властью, разбогатело и разрослось, присоединив соседние княжества. Однако междоусобная война создала политический хаос: разрушились клановые и династические связи, и на московские земли стали посягать соседи. Победивший в междоусобной войне Василий II начал заново укреплять политический авторитет Московского государства.

Восшествие на престол в 1462 году Ивана III стало поворотным моментом в развитии военного и политического устройства Русского государства. Москва оказалась в очень непростой внешнеполитической ситуации. Неопределенность, возникшая после падения ордынского ига, была сколь соблазнительной, столь же и пугающей. Со стороны степи Московскому княжеству угрожали несколько потенциальных наследников Золотой Орды. К югу и востоку от Москвы соперничали друг с другом три хана, каждый из которых был потомком Чингисхана. Старший хан возглавил Большую Орду, чьи территории находились возле устья Волги, к северу от будущего Астраханского ханства. Другой представитель династии Чингизидов правил Крымским ханством, занимавшим степи к югу от Московского княжества. Третьим соседом было Казанское ханство, раскинувшееся вдоль Северной Волги восточнее Москвы. Юго-восточнее этих ханств находилась Ногайская Орда: кочевники-ногайцы не претендовали на то, чтобы считаться наследниками Монгольской империи, но часто становились важнейшими союзниками тех ханов, которые обладали такими притязаниями. Позиция Московского княжества в отношении этих трех ханств была неоднозначной. С одной стороны, восстановление былой всепоглощающей мощи Золотой Орды под эгидой Большой Орды было не в интересах московского князя. Однако с другой стороны, московская торговля зависела от безопасности ведущих на юг торговых путей, которые при наследниках Золотой Орды и нынешних соперниках Московского княжества уже не так хорошо охранялись новыми хозяевами степи. С 1450 по 1520 год политика Москвы в отношении ханств в большей степени определялась подобными геополитическими соображениями, а не религиозными и культурными разногла-

сиями⁴. Поэтому русские правители часто действовали заодно с крымскими и казанскими ханами, борясь с угрозой возрождения Золотой Орды.

Карта 1. Западная Евразия (ок. 1400) (взята с сайта <https://euratlas.com>)

К западу от московских земель после распада Монгольской империи набирало силу Великое княжество Литовское, находившееся с 1385 года в личной унии с Королевством Польским под властью династии Ягеллонов. В годы правления Витовта (умер в 1430 году) Литва захватила территории в 240 км от Москвы, увеличив число своих православных подданных. Обладая большим православным населением, Литва неоднократно пыталась оспорить главенствующую роль Москвы в иерархии Восточной православной церкви. Поскольку Польша и Литва простирались на юг вплоть до Черного моря, эта двуединая монархия также контролировала территории на западе степи, где находился ключевой участок торгового пути из Москвы на юго-запад. Короче говоря, Великое княжество Литовское было не менее сильным претендентом на то, чтобы считаться главной силой в степи, чем Золотая Орда, расколовшаяся на сравнительно небольшие ханства. В начале XV века Литва представлялась даже более мощным государством, чем в 1450 году. Однако к середине XV века перебои в торговле на Балтике и политические смуты, последовавшие за смертью Витовта, несколько подорвали ее влияние.

⁴ Подробнее об этом см. [Martin 1983: 435–453].

Придя в себя после междоусобной войны, Московское княжество оказалось единственным русским государством на севере, могущим претендовать на контроль за степью⁵. К началу 1400-х годов в Великое княжество Московское входила уже не только собственно Москва с окрестностями, но также Владимир и другие земли. В середине XV века на севере, помимо Московского, все еще существовали и другие независимые княжества, некоторые из которых обладали большей самостоятельностью по отношению к остальным: Ростов, Ярославль, Тверь и Рязань; кроме того, не подчинялись московскому князю и два процветающих торговых города – Псков и Новгород. Несмотря на внушительные размеры территории, в особенности Новгорода, никто из них в военном плане не мог соперничать с Москвой. Не имея возможности конкурировать с Московским княжеством за наследие Золотой Орды, все эти северо-восточные русские государства пытались защитить себя от московской экспансии. Близость крупного Великого княжества Литовского побуждала их обращаться за помощью и поддержкой к правителям Литвы. В связи с этим взаимоотношения между этими православными русскими соседями часто были весьма напряженными, хотя эти конфликты не были напрямую связаны с вопросом о будущем степи.

Таким образом, к 1460 году Московское княжество оказалось региональной силой, естественным образом участвующей в перераспределении власти после распада Золотой Орды. Его соседи, как степные мусульманские ханства, так и восточноевропейские государства-соперники, тоже были участниками этой международной игры. Почти все они оказались втянутыми в московскую уسوبцу времен правления Василия II. Действия Ивана III, возобновившего агрессивную экспансионистскую политику, привели к новым осложнениям в отношениях с соседями.

Новый политический консенсус

Способность Москвы успешно лавировать в этой непростой международной обстановке в очень большой степени зависела от решения двух тесно связанных между собой задач, касавшихся внутреннего устройства княжества. Первая заключалась в перестройке его политической системы; вторая, напрямую зависевшая от первой, состояла в военном преобразовании Московского государства. После междоусобной войны и последовавшего за ней восстановления порядка ни политическое, ни военное устройство Москвы не имели определенной институциональной формы. Политическая власть была патримониальной и не регулировалась законом. Все определялось личными связями при московском дворе, где правил великий князь при участии глав самых влиятельных семей. К 1460-м годам в число этих влиятельных фигур, находившихся при князе, входили бояре из 15 знатных московских родов, а также союзники, служилые князья и члены правящей семьи – а именно, четыре младших брата Ивана III. Кроме того, при дворе находились представители еще двух менее влиятельных, но более многочисленных сословий служилых людей – дворяне и дети боярские, которые состояли на службе либо непосредственно у великого князя, либо у одной из вышеперечисленных знатных фигур⁶. Эти люди служили великому князю Московскому при дворе и на поле боя по самым разным причинам. Некоторые князья были покорены московским войском, других, несомненно, одновременно пугала и привлекала растущая мощь Москвы. Менее благородные, но тем не менее богатые и влиятельные семьи прибывали к московскому двору, стремясь заполучить часть той военной и политической власти, которой обладал великий князь, а также в надежде на осязаемые материальные блага в виде земли, людей и товаров. Таким образом, верная служба Москве

⁵ Доказательством тому служат титулы Ивана III и его наследников. См. [Ostrowski 2002: 180–182].

⁶ Н. Коллманн подробно описывает то, как была устроена и существовала русская знать в XIV–XV веках [Kollmann 1987: 36–41].

сулила щедрую награду. Тот, кому удавалось в условиях жесткой конкуренции отвоевать себе место при московском дворе, мог рассчитывать на более высокое положение и большее богатство, чем в других соседних княжествах. Для великого князя Московского сохранение стабильности и существующего политического устройства было необходимым условием проведения успешной внешней и военной политики.

Бояре играли в этой системе ключевую роль: они представляли могущественные роды, которые обладали обширными связями и содержали у себя на службе челядинцев и холопов. К середине XV века сформировался определенный круг боярских семей. Эти семьи получали основной доход с приобретенных или полученных в награду земель, находившихся в Московском княжестве или рядом с ним. Приобретение новых земель позволяло роду оказывать большую поддержку членам семьи и людям, состоящим у него на службе. Хотя эти влиятельные группировки все время сражались друг с другом за влияние при дворе великого князя Московского, после междоусобной войны боярские семьи вынужденно умили свои разногласия ради укрепления власти верховного правителя. Рознь и соперничество при дворе приводили только к хаосу, угрожая уничтожить тот источник богатства и власти, завладеть которым мечтал каждый из родов. Правящая династия, в свою очередь, прислушивалась к советам глав знатнейших семейств и принимала решения, опираясь на их поддержку [Kollmann 1999: 176; Коллманн 2001].

Прежде всего, бояре представляли собой военную элиту. Воинская доблесть обеспечивала им высокое положение внутри рода и при московском дворе. Получив высокий чин, они прибывали ко двору и становились политическими советниками великого князя. В то же самое время они продолжали нести военную службу, ведя в бой свою свиту и командуя войсками своего сюзерена [Kleimola 1985: 232–258; Чернов 1998: 310]. Боярская свита, состоявшая из вольных людей и рабов (родичей, челядинцев и боевых холопов), к 1460-х годам уже стала терять былую мощь и значение [Hellie 1972: 26; Павлов-Сильванский 1898: 97]. Теперь продвижение боярина по службе определялось повышением его положения при дворе и связанной с этим более высокой должностью в войске великого князя. Также московский государь мог вознаграждать бояр и других служилых людей, отдавая им земли «в кормление», то есть обязывая местное население содержать («кормить») этих временных правителей (наместников) в течение всего периода их службы.

В отличие от бояр, большинство служилых князей лишь недавно появились при московском дворе. Будучи ранее членами правящих династий и независимыми правителями, эти князья оказались втянутыми в сферу притяжения Москвы либо из-за того, что их земли были захвачены, либо из страха перед растущей мощью Московского княжества, либо потому, что были разорены войной. Других привлекала возможность возвыситься: хотя верная служба московскому князю означала утрату независимости, взамен можно было получить богатство и власть, добиться которых было реально только в Москве [Чернов 1954: 23]. Служилые князья обладали разными правами и привилегиями. Некоторые из них состояли при московском дворе, но фактически продолжали править своими бывшими подданными; другие не покидали своих земель. Кто-то был в большей степени союзником, чем вассалом, кто-то держал себя вызывающе и более ревностно относился к собственному положению, чем другие. Место этих князей при московском дворе в каждом конкретном случае зависело от конкретных обстоятельств, хотя в целом их княжеская кровь и недавняя независимость давали им, на их взгляд, право на более высокое положение и особый статус по сравнению с боярами.

Члены великокняжеской семьи, такие как четверо младших братьев Ивана III, занимали особое место в московской политической системе. До Василия II (годы правления 1425–1462) московский престол в течение нескольких поколений наследовался от отца к старшему сыну, по вертикали. Это отличало Москву от прочих русских княжеств, где престолонаследие обычно происходило по лествичному праву, то есть от брата к брату, по горизонтали. Изна-

чально такая необычная ситуация в Москве возникла благодаря случаю – после смерти одного из великих князей не осталось наследников-братьев или дядьев. Однако у отца Ивана III Василия II были живые дядья, и в 1430 году они оспорили его право на московский престол. Победив в последовавшей династической войне, Василий назначил сына Ивана своим соправителем за 15 лет до собственной смерти, чтобы упрочить его права как наследника трона. Исполняя завещание Василия II, его вдова и четверо младших сыновей в 1462 году присягнули на верность Ивану как московскому князю. Однако при этом Василий оставил в наследство каждому из своих сыновей по уделу. Удел представлял собой значительную территорию в границах Московского княжества, которая передавалась мужским представителям великокняжеской семьи, чтобы те располагали подобающими их положению политическими, экономическими и военными ресурсами. Удел был неотчуждаемым владением, которое возвращалось великому князю в том случае, если семья удельного князя прекращала существовать. Однако вплоть до того момента вдова и сыновья удельного князя были практически независимыми правителями в своих землях. Как и в случае с боярами, хаос, пережитый в годы междоусобицы, а также воля, выраженная Василием II, побудили братьев Ивана III поддерживать его в вопросах войны и внешней политики. Между ними и Иваном с его двором существовало взаимопонимание, суть которого была в том, что влияние братьев на процессы принятия решений, их положение при дворе и границы собственной независимости будут зависеть от успешности проводимого великим князем курса [Howes 1967: 137–142].

Увеличение количества знати при московском дворе после междоусобной войны имело еще одно важное вторичное последствие. Двор великого князя Московского стал пристанищем не только бояр и служилых князей; та местная знать со своими собственными приближенными, которая ранее состояла при дворе своего прежнего князя, волей-неволей последовала за своими предводителями в Москву. Некоторые присягнули на верность великому князю Московскому вынужденно в результате соглашения, заключенного с их побежденным правителем; другие добровольно перешли на службу к Ивану в надежде на высокие награды; третьи проводили большую часть времени при прежних хозяевах. Однако в результате всего этого двор Ивана III трещал по швам не только от московской знати, но и от бояр, дворян и детей боярских из других княжеств. Все эти люди неопределенного подданства вместе с равными им по положению местными жителями, наводнили двор московского государя.

С 1462 года Иван III был не имеющим соперников правителем Московского княжества, однако его двор представлял собой непредсказуемую и трудноуправляемую смесь различных элит: бояр, вассалов, союзников, служилых князей и родных братьев. Взаимные ожидания Ивана и его двора друг от друга имели очень личный и зачастую своеобразный характер и основывались на исторически сложившихся отношениях и индивидуальных заслугах, текущей ситуации, традиции, местной специфике и некоторых обоюдных обязательствах, а также на подобающем уважении к власти московского князя. После разрушительной междоусобной войны эти люди в целом готовы были поддерживать своего государя и действовать заодно. Нередко эта преданность подкреплялась обеднением, поражением в войне или страхом. Тем не менее в 1460-е годы, когда число людей при дворе Ивана существенно увеличилось, возникла необходимость в какой-то опоре для этих новых связей. Ни великий князь, ни знать не могли более взаимодействовать, руководствуясь прежними обычаями, принципами службы и сложившимися привязанностями. Для того чтобы Московское княжество могло продолжать свою военную и политическую экспансию, необходимо было преобразовать политическое устройство и стабилизировать положение дел при дворе.

Вооруженные силы Московского княжества

В начале XV века московская армия представляла собой трудноуправляемое собрание независимых вооруженных отрядов. Главную роль в ней играло постоянно увеличивающееся личное войско великого князя, состоявшее из бояр, придворных и провинциальных служилых людей. Однако бояре, призванные для выполнения своих обязанностей, прибывали в сопровождении собственной вооруженной свиты, которая была преданной прежде всего своему командиру. Члены правящей московской династии и служилые князья тоже приводили с собой личные армии – бояр, придворных и провинциальных служилых людей из своих уделов. Кроме того, всегда существовала вероятность того, что такой призыв к оружию останется без ответа. Далее эти независимые отряды получали каждый свое задание, которое и выполняли в течение всего срока военной кампании. Относительная важность этого задания и место, занимаемое отрядом на поле боя, напрямую зависели от положения его командира при дворе великого князя. Вместе с тем проявленная на поле боя доблесть могла обеспечить тому или иному командиру более высокое положение при дворе после возвращения из похода. Таким образом, взаимосвязь между военными навыками и местом в политической иерархии становилась только крепче.

К середине XV века в устройстве московского войска не произошло каких-либо существенных изменений. Оно не обладало какими-либо новыми технологическими или организационными преимуществами относительно своих непосредственных конкурентов; в то время технологические инновации были сравнительно редки. Насколько известно, в 1460 году московская армия мало отличалась от своих предшественников, если не считать того, что количество людей, находившихся в распоряжении московского князя, его бояр, союзников, вассалов и подчинявшихся ему удельных князей, увеличилось вместе с ростом его двора. Однако до тех пор, пока не были созданы и внедрены принципы и навыки несения военной службы, для организации этого разнородного войска под командованием бояр и других претендентов на политическую власть при московском дворе правителю приходилось прибегать к сложной дипломатии.

В ту эпоху и в этом регионе вооруженные силы состояли в основном из конных лучников, снаряженных по монгольскому образцу: стеганные куртки или иногда легкие кольчуги, мечи или сабли и, безусловно, могучие составные луки. Эта амуниция вместе с конем, которого каждый воин приводил с собой, стоила сравнительно недорого, но все это позволяло организовать очень мобильное войско, одинаково эффективное как в степи, так и против оседлого населения. Обучение военному искусству требовало прилежания и ежедневных тренировок. В результате конница состояла по большей части из людей относительно высокого положения, окруженных родственниками, челядью и боевыми холопами. Конные силы использовались в мелких набегах, приграничных стычках и более крупных военных кампаниях.

В походе московское войско имело более-менее упорядоченный вид. Конница обычно была разделена на так называемые полки, которые затем разбивались на сотни, полусотни и десятки, у каждого из которых был свой командир. Большая часть двора великого князя, состоявшая из бояр, служилых князей, союзников и дворян более низкого происхождения, числилась в центральном или большом полку. Это было самое элитное подразделение московского войска, кроме тех случаев, когда великий князь сам принимал участие в бою во главе своего государева полка. Когда на поле боя выходила сравнительно небольшая рать, она состояла из трех полков: большого, передового и сторожевого – так называемого «малого разряда»⁷. Судя по описаниям XVI века, большой полк обычно принимал на себя главный удар неприятеля.

⁷ Примерно так же было устроено степное войско до монгольского нашествия [Rorex, Fong 1974].

теля, в то время как полк правой руки и полк левой руки пытались быстро совершить окружные маневры. Более крупное войско помимо трех полков «малого разряда» включало в себя полк правой руки и полк левой руки, совместно составляющих «большой разряд».

В таких разрядах московские дворяне объединялись с конными дворянами, которые состояли на службе у великого князя, но не были у него при дворе, а также с отрядами и свитами родственников, вассалов и союзников московского государя. Ценным и надежным союзником Москвы мог быть и находящийся у нее на службе татарский военачальник, такой как Касим-хан, в чьем распоряжении была собственная превосходная конница. Также в походе основное войско могло сопровождать и ополчение; правда, неизвестно, были ли у него какие-то особые военные обязанности. Кроме того, поскольку каждый конник обязан был сам обеспечивать себя всем необходимым, войсковой обоз представлял собой скопление принадлежащих отдельным дворянам телег, где слуги и челядинцы охраняли припасы своего хозяина – все это вносило хаос и сумятицу в организацию этой в целом очень мобильной армии.

До середины XV века порох, огнестрельное оружие и тактика ведения боя с его использованием не играли важной роли ни для московского войска, ни, если брать шире, для тех военных действий, в которых оно участвовало. Дело было не только в неведении: в Московском государстве знали о порохе и о том, как его применять. Еще сто с лишним лет назад русские стреляли из небольшой пушки по монгольскому войску, и сами монголы тоже обладали огнестрельным оружием. В начале XV века пушки – вероятно, привезенные из Европы – встречались во всех русских землях. Недавняя междоусобица и враждебные отношения между Московским княжеством и соседним Великим княжеством Литовским, вероятно, замедлили процесс получения информации о последних инновациях в сфере использования огнестрельного оружия. В середине XV века пушки в московских землях были по большей части неподвижными и в основном использовались для защиты крепостных стен. Поскольку артиллерийские орудия были ненадежны и с трудом поддавались транспортировке, их редко задействовали даже при осаде или штурме крепостей. Более того, из-за особенностей евразийского ландшафта, малой плотности населения и специфических методов ведения войны на этой территории захват крепостей в середине XV века не являлся главной военной задачей. Другие виды огнестрельного оружия, в частности ручное, получили распространение уже позже. При Иване III в московском войске стали изредка использовать заряжаемые с дула ружья с фитильным замком. В Московском княжестве, так же как и их противники-татары, считали, что огнестрельное оружие того времени ни стратегически, ни тактически не подходит для вооружения войска, в котором главную ударную силу составляла мобильная конница [Чернов 1954: 28, 33–35, 38, 40; Hellie 1972: 152–153⁸].

В 1450-х годах московское войско было не очень большим, несмотря на то что число людей, которых великий князь мог призвать под свои знамена, все время росло. Крупные силы, о которых говорится в некоторых источниках, по всей видимости, никогда не существовали. Представляется вероятным, что из-за трудностей в управлении войсками, логистики и прочих ограничений, связанных с организацией, размер этого войска составлял около 35 тыс. человек, не считая вспомогательных сил и обоза [Davies 1999: 148]. Вероятно, в Московском княжестве наличие большого числа готовых сражаться людей давало возможность чаще устраивать военные походы, а не собирать более крупную армию для какой-то конкретной кампании.

Великий князь с осторожностью относился к присоединению новых отрядов из недавно присоединенных земель в состав своего войска. Так, например, в 1462 году он отдал приказ о проведении приграничных набегов на севере и северо-востоке русских территорий. Этой операцией руководил боярин, много лет служивший Москве, однако большая часть конницы была родом из княжеств, граничащих с Казанским ханством, – Устюжского, Вологодского и Галиц-

⁸ Цит. по: [Кирпичников 1957: 62–65].

кого, – чья преданность московскому государю имела не такой давний характер. Позднее тем же самым людям было приказано защищать московские (и их собственные) земли, когда татары нанесли ответный удар. Некоторые из них участвовали потом в более крупных военных кампаниях против Казани. Сбор таких отрядов осуществлялся либо московским наместником, либо их же собственным князем, присягнувшим на верность Москве. У жителей северо-восточных земель были веские причины вставать под московские знамена. Враг, против которого они сражались, был и их врагом тоже, и в случае победы добыча тоже доставалась им. Однажды Москва даже предложила им еду, обмундирование и стрелы в обмен на защиту границы в течение зимы [Alef 1973: 77]⁹. Однако в некоторых других землях на сотрудничество с Москвой шли с куда меньшей охотой. Вятка и Пермь были полунезависимыми территориями, зажатыми между Московским княжеством и Казанским ханством, и их правители отказывались действовать заодно с Москвой из страха перед ответным нападением татар после ухода московского войска. Как демонстрируют эти примеры, к середине XV века власть московского князя и его способность призвать под своим знаменем войска из окрестных земель выросли, однако этот механизм еще не был отлажен до конца.

Москва использовала каждую возможность для того, чтобы теснее привязать к себе тех князей, которые либо поступили к ней на службу совсем недавно, либо имели особо высокое происхождение. Военные обязательства, существовавшие между великим князем и его союзниками и вассалами, далеко не всегда были закреплены договором. Нередко случалось так, что некоторые из них не прибывали на сбор войска, несмотря на то что приказ об этом исходил от их сюзерена, или даже уходили вместе со своими людьми посреди военной кампании. Таким образом, для того чтобы собрать вокруг себя всех своих союзников и вассалов, московскому князю все еще приходилось прибегать к сложной дипломатии. Брату Ивана, Юрию, сначала было поручено руководить от имени московского князя обороной земель, находившихся рядом с его собственным уделом, а затем уже он командовал объединенной русской конницей в военных походах. Члены великокняжеского семейства Ярослава возглавляли московское войско в 1467 и 1469 годах. В военных кампаниях, не связанных с защитой их собственных земель, братьев великого князя (и других его вассалов и союзников, чья преданность и надежность вызывали сомнение) зачастую сопровождали приближенные к Ивану бояре, состоявшие при его дворе [Alef 1973: 88; Чернов 1998: 307; Crosky 1990: 59; Алексеев 1991: 67–68]¹⁰. Московский государь весьма успешно манипулировал членами своей новой военной элиты, однако его взаимоотношения с ними не были ни стабильными (упорядоченными), ни предсказуемыми. На важность такого взаимодействия великого князя с его приближенными в военных вопросах указывает то, что в сохранившихся источниках этому аспекту уделяется исключительное внимание.

Помимо вопросов, связанных с управлением войсками и логистикой, успешный сбор людей и ресурсов для проведения военной кампании зависел от работы централизованного административного аппарата. Историки часто пишут о том, что к середине XV века в администрации Московского княжества должны были сформироваться различные ведомства, поскольку это было необходимо для ведения воинского учета, сбора налогов и всего прочего. Однако имеющиеся в наличии архивные данные, относящиеся к этому времени, содержат очень мало информации как по этой теме, так и по многим другим. Само по себе это может ничего не значить, так как пожары и войны уничтожили большую часть старых московских архивов. Тем не менее некоторые книги с данными о военных назначениях сохранились. В них записаны имена и должности командиров, участвовавших в конкретных военных походах; там указано, что такой-то воевода вел «людей из Вятки» или «людей из Владимира»,

⁹ Цит. по: [Сербина 1950: 88].

¹⁰ Ср. [Зимин 1972: 98].

однако ничего не говорится ни о конкретной численности этих отрядов, ни о том, какие задачи они выполняли¹¹. Сейчас историки полагают, что эти разрядные книги служили прежде всего для того, чтобы вносить в них сведения о положении дворян и занимаемых ими должностях, а не для ведения записей военного характера. В нашем распоряжении даже нет информации о письменных приказах, полученных наместниками. Общие налоги тоже играли менее важную роль, чем можно было предположить, поскольку войско поддерживало само себя за счет поместий. Прочие налоги были, судя по всему, местными, и их сбор был децентрализованным. Все это наводит на мысль о том, что развитие административного аппарата и делопроизводства не имело такого прямого влияния на военную деятельность Московского княжества, как это считалось ранее¹².

В 1450 году Московское княжество обладало большим потенциалом для того, чтобы стать чем-то большим, чем влиятельной региональной силой на окраине евразийской степи. Действительно, когда Москва начала выстраивать из разнородных политических и военных элементов единый централизованный механизм – процесс, занявший 150 лет, – вокруг нее уже стали формироваться новые, соперничающие между собой государства. На севере объединение скандинавских королевств, пусть и непрочное в XV веке, заложило основу для создания огромной империи к северо-западу от Новгорода. Ливонский орден на Балтике тоже представлял существенную угрозу трем экспансионистским державам, окружавшим его. Далекие и могущественные Габсбурги и Сефевиды вскоре тоже стали играть важную роль в делах Русского государства, так же как и турки-османы, чьи взаимоотношения с Москвой зачастую происходили при посредничестве крымских татар.

При Иване III (годы правления 1462–1505), Василии III (годы правления 1505–1533) и, наконец, Иване IV (годы правления 1533–1584) территория Московского княжества (с 1478 года – Русского государства) увеличилась более чем в три раза. Более того, к концу XVI века Москва подчинила себе восточные русские княжества, победила Казанское и Астраханское ханства и в конце концов присоединила Сибирь. После этого русские торговцы и солдаты отправились дальше на восток к Тихому океану. Продолжая экспансию на юго-восток, Русское государство начало затяжное противостояние за Кавказ с Османской империей. Крымское ханство на юге поначалу было союзником Москвы, но к 1520-м годам стало ее противником и вассалом Константинополя. Москва присоединила Новгород и Псков на западе, и ее притязания на западные приграничные территории привели к нескончаемым войнам, которые в итоге подорвали мощь Великого княжества Литовского. Упадок и крах Ливонского ордена тоже обрек окружающие его государства на постоянные вооруженные конфликты. Однако ближе к концу XVI века экспансия Москвы в этом направлении остановилась. Зато стали активно развиваться коммерческие, дипломатические и военные связи с империей Мин, Сефевидами, турками-османами и королевствами Центральной и Западной Европы. Русское государство в XVI веке постепенно становилось большой, хотя и несколько необычной бюрократической империей, и его политика все теснее была связана с политикой других больших империй.

Вместе с экспансией происходили и перемены в военном устройстве. Во многом этот процесс носил скрытый характер. Так, в 1580-х годах большую часть русского войска составляла конница, разбитая на три или пять полков. Как и раньше, она по большей части состояла из конных лучников благородного происхождения, на чье содержание почти не расходовались средства государственной казны и которых можно было призвать как для защиты от вражеских набегов, так и для участия в наступательных походах. Служба в этом войске по-прежнему

¹¹ См. [Буганов 1966: 18] (сведения за 1478 год).

¹² Ср. [Чернов 1954: 40; Чернов 1948: 3, 117; Рое 1997: 364–365].

имела очень важное социальное и политическое значение, так как положение при дворе все еще сильно зависело от проявленной воинской доблести.

Однако за этим прежним фасадом скрывались очень важные изменения. В отличие от войска конца XV века, русская армия XVI столетия функционировала, опираясь не на «устные договоренности» и «обычай», а на установленный порядок, и имела в своем распоряжении намного больше хорошо обученных людей, привыкших сражаться под единым и централизованным командованием. За этой армией стояли могущественный двор и множество ведомств и правил. В 1590-х годах служилые князья и братья государя почти не влияли на формирование армии и ее командование. Высшая знать Русского государства воспринимала себя, скорее, как правящее сословие внутри могущественной автократической системы, где от каждого помещика ожидалось, что он будет верно нести военную службу до конца жизни. Хотя конница по-прежнему по большей части сама обеспечивала себя всем необходимым, многие другие вопросы тщательно контролировались и документировались государственными чиновниками: например, количество всадников и сроки их службы. Военная деятельность Русского государства оказалась неразрывно связанной с развитием его административной системы.

Благодаря росту бюрократического аппарата Москва могла не только реагировать на перемены в своем международном статусе, но и постепенно осуществлять военные преобразования. Быстро ударной силой стала артиллерия. Появились люди, обладающие навыками ведения осадной войны, а в XVI веке, так же как Европа и Османская империя, Русское государство обзавелось полками обученной и находящейся на казенном довольствии пехоты, состоящей из вооруженных ручными пищалями стрельцов¹³. Эти пищальники и стрельцы, некоторые из которых несли службу круглый год, не принадлежали к знатному сословию. С учетом этих новых умений произошли изменения в стратегии и тактике ведения войны в условиях осады и открытого боя. Возник налоговый механизм, позволяющий содержать все это новое военное устройство. Хотя в Русском государстве и продолжали функционировать старые принципы придворной политики с ее упором на дворянскую конницу, к 1580-м годам русская армия была уже тесно связана с новой бюрократической системой, благодаря чему Москва могла добавлять новые элементы в свое военное устройство и приобрела статус мощной региональной державы.

Эти инновации позволяли Русскому государству решать военные задачи в той сложной геополитической обстановке, в которой оно находилось. Примерно с 1513 года враждебно настроенные крымские татары нередко совершали масштабные и опустошительные набеги на южные окраины русских земель, где процветало сельское хозяйство. Защита этих территорий и выкуп пленных требовали от Москвы огромных военных усилий и больших затрат. Организация эффективной обороны, которая могла сосуществовать и взаимодействовать с армией в период ведения боевых действий, стала большим достижением для Русского государства в XVI веке, имевшим далеко идущие последствия. По мере того, как росла русская империя, увеличивалась и ее бюрократическая система, благодаря которой правительству удавалось мобилизовать людей и ресурсы, необходимые для захвата и защиты новых территорий.

Однако к концу XVI века даже эти значительные успехи не смогли сделать военное устройство Русского государства менее обременительным. В Европе к тому моменту уже была поставлена под сомнение эффективность полупрофессиональных армий, находящихся на самообеспечении. Неудачи русского войска в недавней Ливонской войне заставили задуматься об этом и в Москве, поскольку эта война разорила русское крестьянство и остановила раздачу новых земель помещикам, которые служили в коннице. Некоторые из противников Русского государства при помощи муштры развили навыки ведения огнестрельного боя, в то время как необузданное поведение Ивана IV убило в его приближенных желание настаивать на дальнейших реформах. Оглядываясь назад, ясно видно, как успехи Русского государства

¹³ Ср. [Imber 2002: 264–281; Thompson 1976: 2–3].

в XV и XVI веках разрушили границы его традиционных устоев. О том, как это произошло, будет рассказано в последующих главах.

Глава вторая

Создание армии Русского государства (1462–1533)

Обзор

В 1485 году началось строительство мощных стен Московского Кремля из красного кирпича. Одиннадцать лет спустя итальянские и русские зодчие, инженеры и мастера почти закончили возведение величественной новой крепости треугольной формы на месте впадения реки Неглинной в Москву-реку. Вдоль внешних стен протяженностью свыше 2 км и толщиной от 3,5 до 6,5 м были построены 19 высоких башен (венчающие их шатры были сооружены в XVII веке). В самом уязвимом месте – напротив Красной площади – высота стен достигает 19 м. Эта новая крепость, построенная на месте пришедших в негодность укреплений из местного белого камня, возведенных во второй половине XIV века, является прекрасным образцом кватроченто. Внутри образованного стенами треугольника возник комплекс храмовых и дворцовых сооружений (тоже в итальянском стиле), среди которых необходимо отметить Грановитую палату и Успенский собор. При Иване III (годы правления 1462–1505) и его сыне Василии III (годы правления 1505–1533) вплоть до 1513 года в Кремле продолжали возводиться новые укрепления и постройки. При всей значимости Кремля как фортификационного сооружения в начале XVI века и подданные русского государя, и его враги воспринимали эту крепость в первую очередь как символ московской консолидации и экспансии [Анисимов 2003: 62; Brumfield 1993: 99; Ramelli 1976: 130–138].

В течение 75 лет после восшествия на престол Ивана III Русское государство впечатляющим образом увеличило свою территорию и стало куда более важным игроком на международной арене. Сначала Иван III и его наследник Василий III «собрали русские земли». Это выражение, «собрание русских земель», говорит не только о достижениях первых правителей Русского государства, но и точно описывает дальнейшие амбиции Москвы. Большинство соседних с Москвой русскоязычных земель, еще претендующих на независимость в 1462 году, к концу правления Ивана III в 1505 году уже были присоединены к Московскому княжеству и вошли в состав Русского государства. Самым большим и ценным из этих приобретений стал город Новгород, которому принадлежали обширные территории на севере. Хотя Новгород и подписал Яжелбицкий мирный договор с отцом Ивана Василием II Темным, отчасти признав над собой власть московского князя, в начале правления Ивана III новгородские бояре продолжали вести переговоры с Великим княжеством Литовским, надеясь при его поддержке вернуть себе независимость от Москвы. В 1471 году в ответ на эти действия Иван отправил на запад большое войско, последовавшая за этим битва на реке Шелони закончилась полной победой Московского княжества из-за внутренних разногласий между новгородцами и тщательного планирования кампании со стороны Москвы¹⁴. Поскольку в последующие годы, вплоть до 1478-го, лояльность Новгорода постоянно вызывала сомнения, Иван продолжал посылать туда войска, отбирать земли в пользу казны, арестовывать и заключать в тюрьмы видных новгородцев. К 1490-м годам Новгород фактически уже стал частью Русского государства. Знаменитый вечевой колокол, символ новгородского самоуправления, был отвезен в Москву, а земляные укрепления были заменены кирпичными стенами в итальянском стиле – по московскому образцу [Brumfield 1993: 72]. К 1523 году, а то и ранее, новгородская конница сражалась под знаменами московского государя далеко от родного города.

¹⁴ Подробнее об этом см. [Разин 1955, 2: 312–318].

Другие северо-восточные княжества и республики, поглощенные Москвой, были не такими большими, и их присоединение происходило куда более спокойно. В 1485 году московское войско окружило Тверь – когда-то главного соперника Москвы, – чтобы помешать местному князю заключить союз с Литвой. Как и в случае с Новгородом, Иван III собрал огромную и внушающую трепет армию, отправив в поход служилых князей, вспомогательные войска, своих братьев, удельных князей и весь свой двор. Столь впечатляющая демонстрация военной мощи позволила ему добиться своих целей, не вступая в бой. Тверское и другие княжества были быстро поглощены Москвой в годы правления Ивана III; его сын Василий III (годы правления 1505–1533) впоследствии присоединил Псков, Рязань и Волок Ламский. Таким образом, за годы этих двух царствований Москва стала претендовать на все земли к северу и северо-западу от причерноморских степей – от Великого княжества Литовского до Казанского ханства.

В то же самое время Русское государство начало играть все более важную роль в продолжавшейся борьбе за контроль над степью. Это произошло как в результате завоеваний, так и благодаря дипломатии. Впрочем, в данном случае задачи и успехи Москвы лучше оценивать не территориальными завоеваниями или аннексией, а усилением ее политического авторитета.

То, что Москве удалось расширить зону своего влияния на юг и восток, во многом – особенно поначалу – было результатом ее взаимоотношений с Крымским ханством. В то время Крымское ханство занимало территорию Крымского полуострова и большой кусок Кипчакской степи к северу от него. Крымские татары вели более оседлый образ жизни, чем их предшественники из Золотой Орды, но в основе их экономики по-прежнему лежали набеги и торговля. Благодаря торговле в крупных крымских городах существовали большие немусульманские общины; Русское государство также вело оживленную торговлю через степь. Политическая стабильность и военная мощь Крыма зависели от способности хана (из династии Гиреев, потомков Чингисхана) добиваться поддержки и сотрудничества от его беев – вождей знатных кланов.

По инициативе Крыма между Москвой и Крымским ханством был заключен взаимовыгодный военный союз, продлившийся почти 40 лет – с 1480 по 1519 год. В ответ на это Великое княжество Литовское заключило стратегический союз с Большой Ордой, которая все еще пыталась возродить былую славу и мощь Золотой Орды. Эти два союза часто конфликтовали друг с другом, и зачастую успех был на стороне крымско-московской коалиции. Одно из таких событий, заслуживающее отдельного упоминания, произошло в октябре 1480 года, когда войска Большой Орды в ожидании своих литовских союзников расположились на южном берегу реки Угры, предполагая после ледостава выступить в поход на московские земли. Силы Ивана III заняли противоположный берег. Однако восстание православных князей и набеги крымских татар с юго-востока отвлекли литовские войска и не позволили им присоединиться к ордынской армии. В то же самое время глава Большой Орды хан Ахмат получил известия о готовящемся нападении со стороны ногайских татар и вынужден был увести свои войска назад, не вступая в битву с Иваном. Это так и не случившееся сражение в символическом смысле стало важнейшей победой Русского государства, хотя, вопреки распространенному мнению, оно и не означало окончание монгольского ига. Последовавшее за этой неудачей ослабление Орды было на руку и крымскому хану. Крым, чьи правители с 1475 года стали вассалами Османской империи (непокорными), помог Москве установить дипломатические отношения со своим сюзереном. В качестве ответной услуги Русское государство постоянно вмешивалось в казанские междоусобицы, что в итоге привело к воцарению династии Гиреев и на ханском престоле Казани [Сыроечковский 1932: 200–204, 217, 224; Khodarkovsky 2002: 77–91; Ходарковский 2019; Martin 1983: 443–445]. Поддерживая навязанных Крымом казанских ханов, Москва добилась того, что в конце XV и начале XVI века на западе степи возник тройственный союз, который мог полностью доминировать на этих территориях.

Однако к 1510-м годам Москву и Крым перестали связывать общие интересы, и их отношения из союзнических превратились во враждебные. Прежде всего увеличение размеров и мощи Русского государства привело к изменению баланса сил. Постоянные завоевания Москвы и рост торговли ослабили позиции Крымского ханства как посредника в степных делах: теперь великий князь Московский обладал достаточным влиянием, чтобы попытаться посадить на казанский престол собственного ставленника и вести дела с Османской империей напрямую. Кроме того, и Крымское ханство, уничтожив в начале XVI века Большую Орду, решило ту задачу, из-за которой оно во многом и было ранее заинтересовано в сотрудничестве с Москвой [Martin 1983: 447; Khodarkovsky 2002: 91–100; Ходарковский 2019]. В 1519 году Крым объявил о разрыве союза с московским князем; теперь Гирей стали временными союзниками Великого княжества Литовского. В результате Москва обрела в лице Крымского ханства могущественного врага по ту сторону степи. Южные границы Русского государства были уязвимы. Ее степной враг состоял в союзе с обладавшей огромной военной мощью Османской империей. Кроме того, теперь Крым и Москва соперничали за влияние на Казанское ханство.

В отличие от положения дел на юго-востоке, на западе успехи Москвы были закреплены территориальной экспансией. После войны с Литвой, завершившейся в 1522 году, влияние Русского государства усилилось за счет вхождения в его состав юго-западных княжеств. Великое княжество Литовское, состоявшее с 1385 года в личной унии с Польским королевством, имело общего с Польшей монарха из династии Ягеллонов, однако войска, казна и административные системы обоих государств оставались раздельными. Литва была одним из самых упорных соперников Москвы: они конфликтовали друг с другом из-за ведущих на Балканы торговых путей, спорных прав на налоговые поступления, действий своих степных союзников и приграничных территорий. Многие князья и дворяне, жившие вдоль границы с Русским государством и находившиеся в вассальной зависимости от Литвы, исповедовали православие, в то время как двор великого князя Литовского находился в католической Польше. Попытки Москвы переманить этих князей на свою сторону и присоединить их земли к территории Русского государства приводили к войнам, столкновениям, поражениям и эфемерным перемириям в 1492–1494, 1500–1503, 1507–1508 и 1512–1522 годах. В итоге на службе у Василия III оказались сразу несколько новых служилых князей, а их земли, отошедшие Москве, укрепили притязания Русского государства на то, чтобы считаться наследником Киевской Руси. Эти впечатляющие территориальные приобретения, сделанные между 1462 и 1533 годами, сопровождалось укреплением дипломатических и торговых связей Москвы с государствами Восточной и Центральной Европы.

Консолидация

Столь успешная экспансия стала возможной благодаря надежной и лояльной московскому князю армии, появившейся в результате внутренней консолидации. Русскому государству удалось постепенно выстроить стабильную политическую систему, разрешив внутривнутриполитические противоречия и добившись определенного административного единства, однако этот процесс был очень сложным. Даже Великое княжество Московское никогда не управлялось как единое целое. Когда великим князем стал Иван III, в его личном владении находились 15 крупных русских городов. Управлял же он куда большей территорией, в которую входили уделы, принадлежавшие его семье, и Вятская земля. Хотя братья Ивана признавали его в качестве верховного правителя всех русских земель, у каждого из них были свои уделы, входившие в состав Русского государства, где они были полноправными хозяевами. Самый большой из этих уделов, включавший в себя пять городов, принадлежал старшему из братьев Ивана Андрею Большому. Следующий по старшинству брат Ивана Борис владел тремя городами, а еще пять городов были поделены между двумя младшими братьями, Юрием и Андреем

Меньшим. По завещанию отца Иван получал только треть от всех доходов Московского княжества, остальное доставалось его братьям и матери [Howes 1967: 137–143]. Другие земли, например Рязань, не находились в прямом подчинении Ивана III. Некоторые состояли в союзе с Москвой и управлялись отдельно. Другие уже признали власть Москвы, но управлялись как независимые княжества, которыми они когда-то были – иногда своими же прежними князьями. В военное время все они посылали свои войска на помощь московскому князю. Преданность этих земель и их правителей великому князю Московскому по большому счету сомнений не вызывала. Однако управление этими разрозненными территориями представляло собой очень сложную задачу.

По мнению большинства историков, внутривластная консолидация Русского государства была достигнута во многом благодаря личным договоренностям представителей элиты. За одним существенным исключением – в исторических источниках не говорится о военной оккупации русских княжеств после их захвата Москвой. Вместо этого постепенные изменения в социальной и политической иерархии, сложившейся при московском дворе, приводили к тому, что некогда свободолюбивые правители независимых княжеств начинали извлекать выгоду из своего нового положения. Теперь их взаимоотношения друг с другом и с великим князем Московским регулировались достигнутыми соглашениями, новыми договоренностями и, в конце концов, более предсказуемыми правилами, так что к 1530-м годам двор великого князя Московского представлял собой арену, на которой могущественные роды действовали сообща друг с другом и в унисон с государем¹⁵.

Первые лица московского двора отнюдь не подчинялись Ивану III беспрекословно (несмотря на достигнутое после междоусобицы согласие). Прекрасным примером этому служат продолжавшиеся всю их жизнь переговоры между Иваном и его младшими братьями. Иван, не отличавшийся излишней щедростью, вопреки обычаю не делил среди членов семьи новые завоеванные и перешедшие в казну земли. При этом он настаивал, чтобы войска его братьев часто и в полном составе участвовали в его многочисленных военных кампаниях. Когда в 1470-х годах двое его братьев, Борис и Андрей Большой, возмутились таким порядком вещей, Иван пошел на уступки, предложив каждому из братьев те земли, которые тот хотел получить. Однако взамен он значительно ограничил их суверенные права, а также потребовал от братьев поступиться частью своих доходов и признать, что власть великого князя распространяется и на их собственные уделы. Хотя братья и не оспаривали права Ивана на московский престол, им были не по душе его алчность и притеснения [Алексеев 1991: 141]. Когда Иван потребовал от них выдать ему князя Оболенского-Лыко, который сбежал из Москвы и присягнул на верность его брату Борису, они возразили против такого вмешательства в их дела. Это противостояние достигло пика в конце 1479 года, когда Ивану предстояло решить особенно сложные военные задачи. В начале года он отправил войско в Новгород для подавления восстания. После возвращения из этого похода Москва готовилась к отражению нападения со стороны Большой Орды («стоянию на Угре»), а затем армия Ливонского ордена осадила Псков. В этот непростой момент братья Ивана Борис и Андрей Большой проявили свое недовольство, покинув его войско вместе со своими людьми. Они увели свои дружины (насколько можно судить, довольно большие) и двинулись на запад в сторону Новгорода, где вступили в переговоры с польским королем Казимиром. К счастью для Ивана, этот мятеж сошел на нет, и ему удалось договориться с братьями и вернуть их вместе с их войсками.

Впоследствии Иван III еще неоднократно заключал соглашения с братьями, пытаясь ограничить их независимость, но о полном успехе этих действий говорить не приходится. В 1491 году его брат Андрей Большой снова отказался отдать свою дружину в распоряжение

¹⁵ Подробнее об этом говорится в работах В. Д. Назарова, в частности, в его неопубликованном докладе «Государев двор в истории России конца XV – середины XVI в.», сделанном в 1993 году в Лос-Анджелесе.

московского князя, который тогда оказывал военную поддержку своему крымскому союзнику. Иван арестовал брата и бросил его в тюрьму, где через два года тот и умер. Два племянника Ивана всю оставшуюся жизнь провели в заточении и ссылке, так как их дядя всеми силами противился восстановлению прежней самостоятельности удельных княжеств. При таком положении дел большинство оставшихся удельных князей завещали свои земли Ивану. Таким образом удельные дворы и войска перешли под прямую власть Москвы, и от их бывшей независимости мало что осталось. Так, например, в правление Василия III удельные войска уже не включались в московскую рать в виде единых дружин, а разбивались на отдельные отряды, которые приписывались к различным полкам. Тем не менее уже после смерти самого Василия в 1533 году два его оставшихся в живых брата, могущих претендовать на московский престол по лествичному праву, были арестованы и умерли в заточении [Martin 1995: 248; Kollmann 1987: 157; Alef 1986: 164–176]. Это не только помогло закрепить положение о вертикальном престолонаследии, но и побудило большинство членов царской семьи встроиться в военную и политическую иерархию Русского государства. К середине XVI века осталось лишь несколько уделов, в которых сохранились кое-какие островки независимости от московского царя [Kollmann 1999: 8; Коллманн 2001; Каштанов 1993].

Наводя порядок в собственной семье, московские правители одновременно с этим начали создавать стройную систему, регулирующую взаимоотношения амбициозных и влиятельных царедворцев как между собой, так и с их сюзереном. В конце XV и начале XVI века на службу к Ивану III и Василию III поступали все новые и новые могущественные князья. Однако даже в течение значительной части XVI столетия не существовало каких-либо единых правил того, какое место должны занимать все эти люди при московском дворе. Их положение в придворной иерархии было результатом торга и зависело от различных факторов – расположения, военной мощности и политической значимости их княжеств для Москвы, размера их двора и дружины и т. д. Особенно важную роль эти обстоятельства играли в ситуациях с татарскими князьями (царевичами). Они не только приводили с собой превосходную конницу, но и, будучи потомками Чингисхана и наследниками трона Золотой Орды, одним своим присутствием придавали блеск московскому двору. Поэтому московские правители прилагали большие усилия, чтобы привлечь их на свою сторону; в награду татарские князья получали землю и право по-прежнему командовать своими войсками. При московском дворе они занимали места выше, чем даже братья великого князя. В случае с татарскими царевичами имевшиеся у них военные навыки и политическое влияние оказывались куда более важными факторами, чем их культурные и конфессиональные различия с другими приближенными московского государя [Ostrowski 2002a: 54–59; Keep 1985: 77–78]. Русские служилые князья занимали в этой иерархии более низкие места. В награду за верность полунезависимого Ярославля в годы московской междоусобицы сыну его последнего князя, его родственникам и даже боярам было позволено сохранить свои земли даже после присоединения этого княжества к Москве в 1463 году. Вскоре они стали видными членами московского двора и получили важные должности в личном войске великого князя. Напротив, когда в 1485 году Иван III завоевал недружественное, но сильно ослабевшее Тверское княжество, местные князья и бояре какое-то время были вынуждены оставаться на своих землях и были лишены права появляться при московском дворе и пользоваться всеми вытекающими из этого возможностями и привилегиями [Веселовский 1947: 301; Alef 1973: 87–88, 90, 95]¹⁶.

В то время как удельные князья поступали на службу к московскому государю и съезжались к его двору, Иван зачастую посылал управлять новоприобретенными землями своих наместников. Преданность этих людей была обусловлена их желанием добиться высокого положения при московском дворе и получить большую награду. При этом человек, назначенный

¹⁶ А. А. Зимин, впрочем, указывает, что тверские бояре были лишены своих титулов [Зимин 1988: 293].

наместником в новое княжество, не имел уже достаточно времени и возможностей для того, чтобы завязывать тесные связи со знатными кланами, проживающими рядом с его родными землями. Таким образом, благодаря институту наместничества влиятельные русские роды стали осознавать, что их клановые интересы совпадают с интересами Русского государства в целом и в меньшей степени зависят от положения дел в землях, доставшихся им по наследству. Также наместники помогали устанавливать какие-то единые для всего Русского государства правила и обычаи на новых землях, недавно присоединенных к Москве.

Некоторые изменения в структуре придворной иерархии упростили процесс слияния новых элит со старомосковскими боярскими родами. В годы правления Ивана III и Василия III, безусловно, выросло количество важных должностей и чинов; необходимость в них возникла из-за частых военных походов, нужды в наместниках для управления новыми территориями и увеличения самого двора. Тем не менее число соискателей этих должностей при дворе превосходило количество свободных вакансий. К этому можно добавить, что к 1500 году все больше должностей в московском войске стало доставаться служилым князьям; при Василии III княжеские роды приобрели огромное влияние, не уступавшее влиянию бояр [Kleimola 1985: 233; Чернов 1954: 20]. В результате было решено увеличить число боярских родов. Несмотря на все эти изменения, московскому правителю приходилось принимать серьезные меры для предотвращения отъезда князей и представителей нетитулованной знати к другим сюзеренам, в частности, великокняжеским братьям¹⁷.

При Иване III и Василии III в Русском государстве сформировалось местничество – система институционализированного соперничества между знатными родами. Эти правила позволяли разрешать споры и разногласия между влиятельными кланами, не доводя дело до раскола и междоусобицы. Фактически местничество определяло, на какой пост (место) мог претендовать тот или иной аристократ в зависимости от своей знатности и положения внутри своего рода. От места зависело, где претендент имеет право находиться во время придворных церемоний и какую высокую (впоследствии и сравнительно низкую) должность в армии он может получить. Положение человека в этой системе определялось двумя факторами. Одним из них были заслуги перед двором – не только личные, но и всего рода. Вторым – знатность рода, причем как реальная, так и мифологическая. Если заслуги перед государем способствовали продвижению представителей доказавшей свою преданность, но не титулованной знати, то генеалогический критерий был на руку княжеским родам. Повысить свое место в этой иерархии можно было как блестящей службой, так и выгодным брачным союзом. Глава видного рода мог быть выбран боярином или окольничим (придворный чин менее высокого ранга, появившийся в конце 1400-х годов). Благодаря правилам ранжирования младшие представители знатных родов могли сравнивать свое положение в этой иерархии со своими соперниками из других родов. Поскольку при местничестве занимаемый пост всегда определялся местом в родовой системе, человек, стоявший на более низкой ступени в этой иерархии, не мог командовать тем, чей статус был выше. Если кто-то считал, что его права на ту или иную должность были несправедливо ущемлены, он мог обратиться за разрешением «местнического спора» к самому государю. Эта система сложных правил и противовесов, за соблюдением которых тщательно следили, давала возможность влиятельным аристократическим родам соперничать между собой, не вступая в междоусобные войны. Благодаря местничеству стало возможным сравнительно безболезненно для большинства участников процесса интегрировать новые боярские и княжеские роды в правящую элиту Русского государства. Местничество позволило сократить коли-

¹⁷ В 1479 году князь Иван Владимирович Оболенский-Лыко, впад в немилость к Ивану III, попытался воспользоваться своим правом отъезда и решил перейти на службу к его брату Борису. Иван приложил большие усилия для того, чтобы захватить князя и заключить его в темницу.

чество споров, распределить политическую власть и сделать ареной соперничества двор московского правителя, а не все Русское государство в целом.

Обмен мнениями, консультации и советы стали привычным элементом политической и церемониальной жизни московского двора. Действуя заодно, крупнейшие боярские роды оказывали очень большое влияние на великого князя и, по мнению многих историков, существенно ограничивали его власть. Ни Иван III, ни его сын Василий III не соглашались даже встречаться с иноземными послами, кроме как в присутствии своих бояр. Другим примером может служить ситуация с престолонаследием, приведшая к кризису 1498–1499 годов. После смерти своего сына Ивана Молодого Иван III вынужден был назначить нового наследника, выбирая между своим внуком Дмитрием, сыном Ивана Молодого, и своим вторым сыном Василием. В 1498-м прошла коронация княжича Дмитрия, которая укрепила и без того сильные позиции при дворе могущественного рода бояр Патрикеевых. Патрикеевы не только были тесно связаны с новым наследником, но и из-за юности Дмитрия могли не бояться того, что другие влиятельные кланы в ближайшем будущем смогут породниться с семьей государя. Однако Иван III не любил Патрикеевых. Несмотря на то что Патрикеевы были потомками великого князя Литовского Гедимина и состояли в родстве с самим Иваном, в течение года все старшие представители этого рода были либо пострижены в монахи, либо заключены в темницу, либо казнены. Многие историки считают, что это произошло в результате давления, оказанного на Ивана членами Боярской думы, которые добивались от него ослабления влияния Патрикеевых и равномерного распределения власти между остальными боярами. К 1505 году наследником Ивана стал его сын Василий. О том, что внутривластная консолидация Русского государства была хоть и недавней, но уже весьма прочной, свидетельствует тот факт, что ни одна из противоборствующих сторон не обратилась за поддержкой к иноземной державе или к кому-то из удельных князей [Kollmann 1986: 235–267; Fine 1966: 198–205].

В то же время есть множество примеров того, когда последнее слово оставалось за великим князем. Поскольку именно он решал все вопросы, связанные с прибытием ко двору и поступлением на службу новых вассалов, назначал им должности и выступал судьей в местных спорах, то и власть его как сюзерена неизбежно возрастала. Поэтому после своей второй женитьбы Василий III «загромоздил двор», сделав боярами родственников своей новой жены Елены Глинской и противопоставив их тем старым боярам, которые поддерживали в вопросе престолонаследия его брата [Kleimola 1985: 235]¹⁸.

Установление местничества и последовавшие за этим политические изменения оказали колоссальное влияние на процессы, о которых идет речь в этом исследовании. Сравнительно четкий механизм интегрирования ранее независимых князей в жизнь московского двора дал им возможность стать частью увеличившейся в размерах правящей верхушки, отвечавшей за принятие политических и военных решений. Консолидация укрепила связи между членами элиты Русского государства и установила набор правил, по которым они взаимодействовали друг с другом и со своим сюзереном. Поведение русской верхушки в 1520-е годы показывает, что ее представители больше не воспринимали себя как разрозненную группу князей. Вместо этого они демонстрировали коллективную лояльность к московскому государю, при дворе которого и шли споры и борьба за власть и влияние. Идеологической опорой этой лояльности выступала Православная церковь. В результате этой консолидации практически все важнейшие решения политического (и военного) плана теперь принимались при московском дворе [Бычкова 1986: 43, 96 и в других местах]¹⁹.

У политической консолидации были и другие последствия, непосредственно повлиявшие на устройство русского войска. Успешная военная служба могла повысить место в аристокра-

¹⁸ Противоположную точку зрения высказывает Н. Коллманн [Kollmann 1987: 144–145].

¹⁹ Об исключительных случаях см. [Зимин 1972: 149].

тической иерархии как отдельного человека, так и всего рода в целом. Назначение на высокую военную должность означало обретение более престижного статуса при дворе и открывало возможности к дальнейшему обогащению и усилению политического влияния. В конце XVI века представители русской знати стремились сделать военную карьеру на царской службе, а не где-либо еще. Даже в начале своего правления Ивану III не требовалось лично возглавлять каждый военный поход, чтобы быть уверенным в преданности своих придворных. Однако, поручая командование войском какому-либо из своих братьев или служилых князей, он назначал его помощниками нетитулованных бояр, чье присутствие удерживало главного воеводу от предательства. К 1533 году в такой подстраховке уже не было прежней необходимости. Как титулованные, так и нетитулованные роды, даже обладая огромной властью и иногда сохранив за собой личную вооруженную свиту, обычно преданно выполняли свои военные обязанности, соперничая друг с другом за награды, полагавшиеся за верное несение службы [Alef 1973: 86–87]. По мере того как бывшие князья и другие знатные роды обретали свое место в единой военной системе Русского государства, их ранее независимые дружины вливались в состав московского войска.

При всех достоинствах местничества у него были и недостатки. Все назначения на военные должности тщательно отслеживались и иногда становились предметами местнических споров, поскольку в каждом таком случае речь шла о возможном изменении статуса того или иного претендента или всего рода [Разин 1955, 2: 307]. В результате высокая должность могла достаться менее способному командиру, а военная кампания могла оказаться отложенной на неопределенный срок. Впрочем, в годы правления Ивана такие споры были редки, а существование схожих, пусть и менее институционализированных систем в Центральной Европе говорит о том, что эта проблема носила общий характер [Hochedlinger 2003: 92–94]²⁰. На самом деле в Русском государстве воевод для того или иного похода выбирали из большого числа претендентов, которые доказали свою преданность и занимали достаточно высокое место в придворной иерархии.

Консолидации Русского государства и установлению власти московского государя (в том числе и как главнокомандующего русской армией) сильно способствовало то, что Ивану и Василию удалось привлечь на свою сторону представителей тех сословий, которые находились ниже бояр и князей. После того, как бывшие независимые князья вступали в новые должности при московском дворе, возникал вопрос о том, чьими придворными должны считаться их прежние дружинники и члены их вооруженной свиты. В последней четверти XV века самые выдающиеся из этих людей, жившие, например, в Ярославле или Владимире, приезжали ко двору великого князя Московского со своими князьями; там они соперничали с москвичами того же статуса. Однако в Московском княжестве были и более низкие сословия, чьи представители не находились при дворе: дети боярские и дворяне; такая же ситуация были и в Ярославле с Владимиром. Эти служилые люди зачастую продолжали жить в своих прежних городах, хотя технически они теперь являлись подданными Москвы [Чернов 1998: 65, 84, 193]. Как правило, эти служилые люди из провинции обладали гораздо более низким статусом, чем те, кто состоял при московском дворе, и были куда беднее их. Для многих из них участие в военном походе было шансом захватить богатые трофеи и увеличить свой доход, а также проявить себя.

Иван III и его наследники в конце концов добились военной поддержки и преданности от большей части таких мелких землевладельцев. Этот процесс был постепенным и эффективным. Сначала, как в 1462 году, этих людей просили нести службу там, где они жили, и защи-

²⁰ Д. Смит в своей диссертации пишет о военной иерархии в современной австрийской армии, о системе производства по старшинству в военно-морском флоте Англии XIX века и о том, что в армии США и сейчас офицеру не полагается служить под началом состоящего в том же звании командира, который получил повышение по службе после него [Smith 1989: 332].

щать свои земли от традиционных врагов под руководством их прежних командиров; лишь позднее им было предложено принять участие в завоевательных походах Русского государства. Если говорить о положении дел в целом, то Москва устанавливала свои порядки в провинции постепенно, иногда через наместников; в 1497 году был издан Судебник – свод единых законов, имеющих силу на территории почти всего Русского государства. Помимо всего прочего, в этом Судебнике был строго определен срок, в течение которого крестьянин мог уйти от своего хозяина – две недели в конце осени, после уплаты всех расходов [Dewey 1966: 7–21]²¹. Это постановление позволяло провинциальным землевладельцам меньше беспокоиться об оттоке рабочей силы, поэтому они имели все основания для того, чтобы приветствовать такую инициативу великого князя.

Еще одним важнейшим новшеством стало введение поместной системы. Многочисленные попытки Новгорода отделиться от Москвы, предпринимавшиеся после 1470 года, привели среди прочего к тому, что великий князь конфисковал множество земель, принадлежавших коренным новгородцам, – сначала у знатных родов, враждебно настроенных по отношению к Москве, а затем, в большем объеме, и у тех, кто выступал против него, и у тех, кто его поддерживал, и также у Церкви. Иван III объявил огромную часть новгородских земель собственностью казны, выделив небольшому числу обездоленных новгородцев поместья в других частях Русского государства. Таким образом, когда мы говорим о «собираании русских земель» Иваном, важно учитывать, что ситуация с Новгородом была исключительной: здесь уместнее говорить о захвате города и его оккупации, и новгородцы были призваны к московскому двору только после того, как многих представителей прежней элиты заменили новые люди. Затем Иван воспользовался своей властью для того, чтобы раздать конфискованные у Новгорода земли своим преданным сторонникам, при этом сохранив за собой право отозвать их обратно. К 1500 году не только московской знати, но и многим незнатным служилым людям были пожалованы поместья. Условием сохранения поместий была верная служба в войске великого князя, хотя первоначально крестьяне, жившие на этой земле, помещику не принадлежали; кроме того, он не имел права определять размер уплачиваемой ими подати. С течением времени поместное владение постепенно уравнивалось с вотчинным, то есть наследственным. Поместье гарантировало преданность его хозяина, благосостояние которого уже не так сильно зависело от трофеев и прочих источников дохода, доступных в военное время. До тех пор, пока продолжалась успешная экспансия, поступление в казну новых земель на протяжении нескольких поколений служило усилению мощи Русского государства.

После того как наградой за преданную службу стала земля, поместная система быстро распространилась по всему Русскому государству, дав возможность великому князю содержать преданное ему поместное войско больших размеров. Получение поместья ставило служилых людей в прямую зависимость от московского двора и гарантировало верное несение ими военной службы (даже если изначально предназначение поместной системы было иным)²². Василий III особенно преуспел в том, чтобы с минимальными расходами для казны задействовать в военных кампаниях Москвы поместные войска, состоявшие из служилых людей, которые сражались вдали от своих домов. В результате землевладельцы, относившиеся к низшей части

²¹ Особого внимания заслуживает статья 57.

²² В своей недавней работе Дж. Мартин высказывает предположение, что при первой раздаче земель служилым людям в Новгороде Иван III не требовал от них военной службы, однако к 1523 году это условие уже было обязательным. См. неопубликованный доклад Дж. Мартина «Some observations on the creation and development of the pomest'e system in Novgorod during the reign of Ivan III», представленный на 35-й конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS) (переименована в Ассоциацию славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES) в 2010 году. – *Примеч. ред.*) [Martin 2003]. В. Б. Кобрин утверждает, что поместная система была введена среди прочего для того, чтобы земля находилась в руках мирян и не переходила в собственность Церкви [Кобрин 1980: 150–195].

военно-служилого сословия, оказались неразрывно связаны с государственной службой, превратившись в «средний служилый класс»²³.

Внутренняя консолидация Русского государства происходила медленно, однако в первой половине XVI века процесс политической и социальной интеграции новых территорий все-таки начал набирать обороты. Все это имело большие последствия для военного устройства. То, что раньше представляло собой разрозненное множество отдельных отрядов под общим командованием, превратилось в единую армию, возглавляемую великим князем или его ставленником. Удельные и служилые князья, ранее руководившие собственными вооруженными свитами или дружинами, постепенно лишались былой независимости; региональные и даже этнические и конфессиональные различия были не так важны, как факт нахождения на службе у московского государя. К началу правления Василия III землевладельцы из различных областей Русского государства служили в армии как командирами, так и обычными конниками. Кроме того, этот интеграционный процесс укрепил связь между двором и армией. Как и при старом московском дворе, новая консолидированная элита Русского государства наибольшее внимание уделяла военным вопросам.

Последним ключевым элементом этого процесса интеграции стало развитие административной системы. Все политические вопросы Русского государства решались при дворе, где бояре и окольничие заседали с великим князем; этот ближний круг советников государя часто, хотя и не совсем точно, называется Боярской думой. В провинции проводниками центральной власти были наместники, которые с помощью местных представителей следили за соблюдением законов и выполнением фискальных, воинских и прочих обязанностей. Эти наместники тоже имели связи при дворе; фактически они и были царедворцами, выполнявшими поручение великого князя, и от их места в придворной иерархии зависели военное значение, древность и размер городов, которыми им было поручено управлять. Наместники получали эти земли «в кормление». Как уже говорилось выше, назначение московского наместника правителем новоприобретенных территорий позволяло ускорить процесс их интеграции в состав Русского государства [Dewey 1965: 21–39]. Вся эта важная деятельность, придворная политика и многое из того, чем занимались наместники, по-прежнему зависели от покровительства со стороны высокопоставленных лиц, взаимоотношений между кланами и личных связей – не в последнюю очередь с самим великим князем.

Территориальная экспансия, «разбухание» великокняжеского двора, увеличение количества наместников и рост численности армии в конце концов привели к появлению некоторых новых ведомств, в обязанности которых входило составление и хранение записей для канцелярии и двора великого князя. Эта деятельность не имела особой политической важности для придворных и бояр, и происходившее при дворе мало влияло на то, как велись архивы. Начальники приказов (дьяки), подьячие и писцы не взаимодействовали с самим двором, и придворные, надзиравшие за их работой, редко принадлежали к боярскому сословию. Со второй половины XV века записи еще велись всего о четырех видах деятельности. Записи о военных назначениях (разрядные книги или разряды) существовали еще в 1470-е годы. Поскольку их предназначение заключалось прежде всего в том, чтобы зафиксировать высокое положение воеводы в придворной иерархии, в них в основном говорится, кому доставалась какая военная должность; иногда там указывается, откуда были ратники, находившиеся под началом у воеводы («люди из Галича», «люди из Владимира» и т. д.). Впоследствии в такие документы стали вносить более существенные военные сведения, например, сколько людей было призвано на службу и как они были вооружены. В конце концов институционализация военной службы потребовала введения новой системы документооборота, которая уже была более последовательной и стандартизированной. В результате возникли небольшие административные

²³ Термин, предложенный Р. Хелли [Hellie 1972: 21 и далее].

структуры, которые осуществляли за этим надзор, хотя историки не сходятся во мнениях о том, когда именно впервые возникла такая специализация [Рое 1997; Гальперин 1964: 74–85; Буганов 1966: 18, 21; Очерки истории СССР 1955: 120].

По мере того как Русское государство увеличивалось в размерах и в нем возникла небольшая, но комплексная система делопроизводства, стали вестись записи еще об одном виде деятельности – сборе налогов. Налоги, некогда взимавшиеся многочисленными независимыми князьями, теперь шли прямо в государеву казну. В частности, военные преобразования Василия III было бы невозможно осуществить без финансовой поддержки. Новые налоги, уплачиваемые деньгами и натурой, шли на перестройку старых крепостей, на оплату труда чиновников, следивших за этими работами, и, при Василии III, даже на покупку лошадей; некоторые из этих налогов были сугубо местными. Общий налог, «ямские деньги», собираемый наличными деньгами, позволял содержать эффективную ямскую (почтовую) службу, возникшую еще при монголах; крестьяне отбывали эту повинность, строя и поддерживая в порядке пути сообщения и почтовые станции (ямы). Были и другие налоги, которые шли на содержание экспериментальных пехотных войск Василия III во время их участия в военных походах и на порохов для них.

Раздача поместий была еще одной сферой деятельности, которая требовала ведения все большего количества записей. Какие именно земли входили в поместье, сколько на них проживало крестьян, какие подати они платили и кто из помещиков нес какую службу – все это тщательно записывалось, сначала в Новгороде, а потом и в остальных городах Русского государства. В земельные кадастры вносили сведения о том, кто из служилых землевладельцев умер, какая помощь была оказана их семьям и какие поместья были переданы новым хозяевам. Наконец, расширение границ Русского государства привело к усилению его дипломатической активности; в результате стали вестись записи о деятельности посольств, переговорах и церемониях при московском и иностранных дворах, а также переводы дипломатических нот [Зезюлинский 1889–1893: 16; Зимин 1972: 144; Милуков 1892: 15; Бобровский 1885: 95; Флоря 1990: 333].

Несмотря на всю свою важность, которая с течением времени становилась все более существенной, вся эта новая система делопроизводства оставалась небольшой и не играла никакой политической роли при дворе. Ведавшие записями дьяки были людьми низкого социального статуса и ценились главным образом за свою грамотность. Мало кто из них был специалистом в какой-то конкретной области, кроме, возможно, тех, кто отвечал за воинский учет (разрядные книги) и дипломатические дела [Зимин 1971: 219–256].

За годы правления Ивана III и Василия III Русское государство смогло создать систему, позволяющую собирать и поддерживать более крупную, управляемую и способную к координированным действиям армию, чем прежде. Эту силу можно было одинаково эффективно использовать как для защиты русских земель, так и для захвата новых территорий.

Военные преобразования

Военная активность Русского государства в 1520-е годы по большей части заключалась в совершении и отражении набегов. Подобно охоте, набеги были привычной и чуть ли не повседневной частью жизни в огромном степном приграничье на юге и востоке русских земель. Татарские ханства, Ногайская Орда, Вятская земля и некоторые другие государственные образования были кочевыми или полукочевыми сообществами, и их экономические системы и военное устройство позволяли практически мгновенно подготовиться к участию в набеге. Частота набегов, особенно в приграничных областях, часто объясняется климатическими условиями и образом жизни проживавших там народов – фактически это был печальный, хотя и имевший очень важные последствия, побочный эффект кочевого образа жизни.

Набеги представляли собой весьма сложный феномен. Безусловно, Русское государство постоянно имело дело с мелкими набегами, ведя бесконечную и выматывающую «малую войну» на окраинах лесостепи. Местные, сравнительно плохо организованные отряды нападали на ближайшие поселения, сжигали дома, грабили имущество и угоняли скот и людей – для выкупа или продажи в рабство. Захваченная добыча была большим подспорьем для воинов – конных лучников, иногда вооруженных еще саблями или копьями, – становясь приятной, а иногда и необходимой для выживания добавкой к доходам, извлекаемым ими от скотоводства. Русские границы каждый год подвергались множеству мелких набегов; то же самое происходило на севере Китая и на границах владений Габсбургов и Османской империи [Каргалов 1973: 140–148; Каргалов 2019]. Такими набегами часто занимались децентрализованные или фрагментированные сообщества; даже если в них существовала власть или они входили в какой-то племенной союз, авторитета их вождей было недостаточно, чтобы запретить деятельность, необходимую для экономического выживания участников набеге [Khodarkovsky 2002: 16–17, 20; Ходарковский 2019]. Эта «малая война» была почти постоянной составляющей жизни русского приграничья. Когда те или иные татарские князья поступали на службу к московскому государю, это автоматически уменьшало количество тех из них, кто кочевал по степи и нападал на земли к северу. Союз Москвы с Крымом тоже несколько улучшил ситуацию, однако и он не избавил Русское государство от этой напасти, которая с течением времени становилась все более тяжелой.

Однако словом «набеги» обозначалась и намного более организованная военная деятельность, в том числе и крупные и хорошо спланированные военные кампании, во главе которых стояли влиятельные лидеры, решавшие вполне понятные политические задачи. Так, в 1501 году хан Менгли-Гирей приказал всему мужскому населению Крыма выступить в поход против Киева, явившись на пункт сбора с тремя лошадьми, оружием и продовольствием. Мурзы и беи прибыли во главе отрядов из 10, 100 и 1000 человек. Эти крупные армии, также называемые «загонами», наступали по степным дорогам (шляхам) и рассчитывали за счет быстрой мобилизации и неожиданного нападения застать местное население врасплох. Если крымцы не встречали сопротивления, то рассеивались на множество небольших отрядов, которые захватывали трофеи и пленников; добившись своего, они так же быстро возвращались домой. В 1500 году одни крымские отряды заблокировали польско-литовские гарнизоны в крепостях, в то время как другие «загоны» беспрепятственно отступили в свои степи с добычей. Такие большие набеги имели не только экономический, но и политический эффект. Нападения крымских татар на Литву в 1500 и 1501 годах не только обогатили казну хана, но и сыграли важную стратегическую роль в отношениях между Москвой и Крымом, так как они сковывали армии Польши и Литвы²⁴. Впоследствии жертвой таких крупных набегов стало уже само Русское государство – в 1507, 1512, 1521 и 1531 годах. Ведение боевых действий такого рода было присуще не только Крымскому ханству. В частности, на раннем этапе своих завоеваний подобные набеги осуществляли турки-османы.

Этих кратких сведений, приведенных выше, достаточно для того, чтобы понять, что набеги не были ни «естественным явлением», ни «частью кочевого образа жизни». Это была военная стратегия. Участники набеге осуществляли быстрые и зачастую хорошо скоординированные вторжения на уязвимую территорию. Их целью не было завоевание: ни военное, ни территориальное. Скорее, они стремились захватить какие-то ресурсы, добиться политических или экономических уступок или получить признание и славу [Jones 1987: 55–56; Rothenberg 1960: 27]. Добившись результата, они мгновенно отступали, избегая столкновения с армией противника.

²⁴ См. гл. 2, ч. 1 [Загорский 1991].

Степные набеги на Русское государство в XV и XVI веках идеально вписываются в эту схему. Нападавших интересовали трофеи, дань, союзы и вопросы престижа, а не оккупация поселений и городов. Татары ездили на неподкованных степных лошадях – небольших, но быстрых и выносливых животных, которые довольствовались подножным кормом и не требовали особого ухода [Collins 1975: 259]. Татарские «загоны», как крупные, так и небольшие, были укомплектованы умелыми конными лучниками, сражавшимися, стоя в стременах. Кочевники обучались искусству боя, в том числе и верхом на лошади, и умело использовали эти навыки. Однако, если говорить о военной стратегии, татары полагались на стремительные и хорошо скоординированные атаки и столь же быстрые и спланированные отступления; всадники почти не были защищены доспехами и не несли лишнего груза. Они нападали и отступали, а не встречали противника лицом к лицу.

Современному читателю может показаться, что такой набег был делом нехитрым²⁵. Однако для того, чтобы вывести в поход все татарское войско, требовались снабжение, качественная разведка, тщательное планирование и политическая дальновидность. Крымцы унаследовали от монголов организованную конницу и большое количество военных технологий [Allsen 2002: 265–293, особенно 286]. В их армии были профессиональные военные, и они знали об огнестрельном оружии и умели им пользоваться; нам известно, что уже в 1493 году в крымском войске был небольшой пехотный отряд, вооруженный пищальями [Collins 1975: 259–260]. Однако пехота и огнестрельное оружие плохо годились для участия в набегах и потому так и не стали играть важную роль в крымском военном устройстве. Вместо этого набеги стали краеугольным камнем военной политики крымских татар и других степных сообществ, вся экономика которых теперь строилась на постоянном получении дани, притоке рабов для сельскохозяйственных работ, продажи или выкупа, а также захвате добычи²⁶.

Однако при всем этом не стоит думать, что набегами на юго-восточных рубежах Русского государства занимались только татары и степные кочевники. Это не были односторонние боевые действия, которые вели воинственные крымцы против мирных оседлых жителей степного приграничья. На самом деле между ведением сельского хозяйства и кочевой жизнью не было такой четкой грани. Окраина Русского государства была, скорее, зоной свободного проживания, а не пограничной территорией в политическом смысле. Некоторые русские крестьяне занимались подсечно-огневым земледелием и поэтому часто переезжали с места на место. Их хозяева не посвящали все свое время ведению сельского хозяйства, но, будучи конниками в поместном войске, ежедневно упражнялись вместе со своими челядинцами в верховой езде и стрельбе из лука. Очевидно, что некоторые из них занимались и скотоводством. Так что не вызывает сомнений, что подданные русского государя, проживавшие в приграничных землях, сами тоже устраивали небольшие набеги на своих соседей; иногда это были единичные случаи разбоя, а иногда – регулярный источник дохода [Загоровский 1991: 86–87; Сыроечковский 1932, 3: 208–209]²⁷. В середине XV века на юге русских земель появились казаки, которые вели полuosедлое хозяйство и свободно перемещались по всему приграничью [Никитин 1986: 168–169 и далее]. В XVI веке Москва платила казакам, бродягам, беглецам и прочим вольным кочевникам, принимая их на службу в русское войско именно из-за навыков ведения степной войны [Бобровский 1885: 70–71; Загоровский 1991: 90–91]. Так, казаки, поселившиеся на западной границе Русского государства возле Смоленска, в начале 1500-х годов посто-

²⁵ Н. Стэнден утверждает, что набеги не являются «примитивной стратегией» [Standen 2005: 129–174], однако ср. [Grousset 1970].

²⁶ После завоевания Константинополя в 1453 году туркам-османам, чтобы прокормить свою армию, понадобилось множество рабов для возделывания земель, расположенных вдоль Черного моря [Martin 1995: 314]. Дань, которую Русское государство выплачивало Крымскому ханству, называлась «поминки».

²⁷ Ср. [Standen 2003: 160–191] о таких же явлениях в степном приграничье Китая.

янно совершали набеги на литовские земли²⁸. Многие из татар, переселившихся в Русское государство, больше занимались скотоводством, чем их славянские соседи. Другие кормились сезонными степными набегами [Сыроечковский 1932, 3: 205–206]. Белгородские и азовские казаки нападали на крымцев [Бобровский 1885: 99]. В «малой войне» между Москвой и Крымом набегами занимались обе стороны.

Более масштабные боевые действия, осуществляемые Русским государством, тоже имели форму набегов или ответов на них. В 1462 году великий князь Московский послал войско в край Коми, а затем в Пермь Великую – явно для того, чтобы захватить добычу и внушить страх местным племенам, но однозначно не для захвата этих земель. Татары ответили Ивану своим неудачным набегом, после чего он в 1465 году совершил карательную экспедицию на Югру, вынудив местных вождей выплатить ему дань [Martin 1983: 438–439, 447–448]. Несложно вспомнить и другие военные кампании Москвы (не только против татар), целью которых была месть, нанесение ущерба или извлечение политической выгоды, но отнюдь не захват территорий или завоевание крепостей.

«Малая война» оказала не только важный экономический и психологический эффект на жизнь русского пограничья, но и сыграла определяющую роль в формировании военного устройства Русского государства. Русское войско было организовано и вооружено наилучшим образом именно для ведения боевых действий подобного рода. Основными стратегическими характеристиками главной ударной силы русской армии – легкой кавалерии – были быстрота и мобильность. В непостоянных и вспомогательных войсках служили представители различных этнических и конфессиональных групп – казаки, возглавляемые своими князьями татары, черемисы и мордва, – ценимые за те же самые достоинства²⁹. Вооружение конницы было легким, чтобы лошадям не приходилось нести лишнего веса. В отличие от своих западных соседей, Русское государство не занималось разведением крупных кавалерийских коней, ежегодно закупая в Крыму степных тарпанов [Зезюлинский 1889–1893, 1: 16]. Москва поддерживала свои войска, позволяя им захватывать добычу и даже продавать пленных христиан ногайцам и крымским татарам [Бобровский 1885: 99]. Более того, набег с его стремительной атакой и столь же быстрым отступлением был скоротечной операцией, что тоже было на руку помещикам, так как, занимаясь сельскохозяйственной деятельностью, они не могли проводить в походах все время, а периодически должны были присматривать за домом.

Действия русских войск на поле боя были выдержаны в рамках общей военной стратегии³⁰. Армия Русского государства иногда участвовала в крупных битвах, хоть и не так часто. В таких ситуациях основные силы, как правило, сбивались в тесную массу в центре, пытаясь как можно дольше сдерживать атаку противника. В это время конница обходила вражеское войско и нападала на неприятеля с флангов и тыла. Всадники выпускали залп из луков, а затем выхватывали сабли и сходились с врагами врукопашную; в то время как действия пехоты были второстепенные, вспомогательные: пехота вступала в схватку на мечах, топорах и т. п. Такая тактика оставляла мало пространства для маневра на поле боя, хотя перед битвой воевода мог разработать весьма продуманный план сражения [Hellie 1972: 29].

С. фон Герберштейн, посол Священной Римской империи, чьи записки о посещении Русского государства в 1517 и 1526 годах содержат одни из самых первых описаний русской армии, очевидно, не вполне разобрался в тонкостях русской военной стратегии, ее преимуществах и тех требованиях, которые она предъявляла к устройству войска. Он правдиво, но несколько пренебрежительно пишет о том, что москвиты уповают в бою на быстроту и военные хитро-

²⁸ См., например, в [ДАИ 1846–1875, 1: 23–26 (документ 26)].

²⁹ См. о мордве [Herberstein 1969: 23; Герберштейн 2008: 301–303], о жизни в приграничье [Herberstein 1969: 25–26, 37; Герберштейн 2008: 307–309, 323], о «разбойниках» [Herberstein 1969: 35–36; Герберштейн 2008: 379].

³⁰ Замечания иностранцев XVI века // Отечественные записки. 1826. Т. 25. С. 97.

сти, невысоко ценя умение держать строй под огнем противника. Русский авангард заманивал врага в ловушку или сам нападал из засады на не ожидающего этого противника, как в бою с литовцами на Митковом поле (в Ведрошской битве) в 1500 году [Соловьев 1959–1966, 3: 114; Davies 2004a: 10]. В 1524 году впервые упоминается о наличии в русском войске разведывательного отряда, который двигался впереди основных сил. Далее Герберштейн делает следующее нелестное наблюдение: «В сражениях... все, что они делают, нападают ли на врага, преследуют ли его или бегут от него, они совершают внезапно и быстро» и «они нападают на врага весьма храбро, но долго не выдерживают» [Herberstein 1969: 78; Герберштейн 2008: 243, 245; Баиов 1909: 44].

Однако все эти вещи вряд ли должны вызывать удивление с учетом того, что русские земли в течение многих поколений входили в сферу влияния Монгольской империи [Ostrowski 2002б; Богоявленский 1938: 258–259]. Кроме того, это военное устройство вполне подходило Русскому государству для ведения той внешней политики, которой оно придерживалось. А именно: насколько мы можем судить, покоряя новую территорию, московский правитель начинал нападать на соседнее княжество, разоряя его набегами до тех пор, пока местный князь не начинал молить о пощаде. Еще одним приемом была демонстрация огромной военной мощи. За исключением Новгорода, в письменных источниках нет сведений о том, что за этими действиями следовал военный захват новых земель; скорее, процесс присоединения новых земель завершался включением местной знати в московскую придворную иерархию. Даже после 1462 года эта стратегия продолжала приносить свои плоды, и фундаментальные принципы ведения «малой войны» лежали в основе военного устройства Московского государства еще в течение нескольких поколений.

Эффективность русской военной политики можно объяснить еще и тем, что, насколько известно из архивных записей, система административных и фискальных органов, необходимая для содержания армии Русского государства, была сравнительно простой. В военных кампаниях была задействована значительная часть населения, но для большинства людей участие в походе было явлением разовым или временным. Впереди шли согнанные на службу крестьяне, которые прокладывали дорогу и занимались прочими приготовлениями в ожидании подхода войск. Знатные землевладельцы-конники сами обеспечивали лошадьми, продовольствием и оружием себя и всех своих челядинцев и боевых холопов. Отправляясь на войну, они брали с собой минимум припасов. Так, Иван III в 1477 году во время похода на Новгород перевел половину своих полков на фуражировку, не желая замедлять продвижение войска большим обозом. У фуражировки был и психологический эффект: она наводила страх на местное население [Разин 1955, 2; Smith 1989: 3, 13, 40–43; Herberstein 1969: 79–80; Герберштейн 2008; Чернов 1954: 35; Nellie 1972: 29]. После успешных кампаний ратники, помимо военных трофеев, получали медали и дополнительные выплаты [Баиов 1909: 68; Smith 1989: 86]. Конники призывались на службу по мере необходимости и в порядке очередности: как правило, половина весной, а другая половина в конце лета. Эта ротация позволяла Москве с максимальной выгодой использовать свое увеличившееся боеспособное население. Конники обязаны были упражняться в военном искусстве все время, свободное от участия в походах. Сохранились записи, из которых следует, что при Василии III в Русском государстве проводились периодические кавалерийские смотры, участники которых демонстрировали навыки верховой езды и владения оружием. Однако эти записи не говорят о том, сколько именно людей из каждого поместья призывались на службу и как они были вооружены. С учетом того, что в каждом новом походе были свои командиры, человек мог в одной кампании руководить небольшим отрядом, а в другой быть рядовым конником. Судя по картине одного польского художника того времени, воевод можно было отличить на поле боя только по головным уборам. Иван III и Василий III, как правило, не командовали собственными войсками, хотя Василий явно считал, что своим присутствием воодушевляет солдат [Smith 1989: 3, 13, 40–43]. Такое

простое, но продуманное устройство армии позволяло московскому правителю при небольших расходах собирать внушительное войско, пусть и на короткий период времени.

Несмотря на то что главной стратегической силой продолжала оставаться легкая кавалерия, в начале XVI века в военной политике Русского государства произошли как минимум два важных изменения. Во-первых, Москва стала создавать более эффективную систему защиты против бесконечных степных набегов. Для этого потребовались не столько технологические инновации, сколько мобилизация имеющихся ресурсов, ставшая возможной благодаря введению документооборота и переменам в административном устройстве. Те средства защиты, которые были в распоряжении местных землевладельцев на приграничных территориях, вероятно, возникли сами собой: вдоль привычных путей татарских набегов – шляхов, по которым всадники могли продвигаться с юга на север через Оку и Югру в торговых, политических и военных целях, – возникли бревенчатые палисады и небольшие земляные валы. К середине XV века возле нескольких шляхов были возведены маленькие деревянные крепости. Эти укрепления были предназначены для защиты местного населения, однако начальники некоторых крепостей стали рассылать казачьи разъезды, которые предупреждали их о приближении больших «загонов». Казаки получали жалованье, и их услуги ценились очень высоко [Баиов 1909: 68; Чернов 1954: 29; Разин 1955, 2]. Есть свидетельства, показывающие, что уже при Иване III Москва стала принимать участие в этих защитных мерах. Проблема заключалась в том, что, постоянно состоя в крепостном гарнизоне, помещики не могли заниматься своими землями. Поэтому, например, в 1469 году Иван заплатил людям своего брата Юрия за охрану приграничья в течение большей части зимы. Содержа даже сравнительно небольшие отряды в уязвимых местах границы, можно было организовать эффективную оборону от набегов. В 1472 году, получив известия о приближении большого ордынского войска, основные силы русской армии получили приказ прибыть к Серпухову, в то время как гарнизон крепости Алексин сдерживал татар на берегу Оки; услышав о сборе русских войск в Серпухове, татары сожгли Алексин, но не решились продолжать наступление [Алеф 1973: 78]³¹.

С 1500 года защите русских земель от набегов стало уделяться все больше внимания. Москва использовала средства, полученные от введения новых налогов, для строительства крепостей под руководством присланных городских приказчиков. Предпринимались попытки координировать оборонительные действия. Новые крепости соединялись друг с другом в цепочки. В сезоны набегов в этих крепостях содержались постоянные гарнизоны, и русские войска регулярно собирались в заранее намеченных местах, готовясь отразить ожидаемое нападение татар. Тогда же появились и передвижные крепости (гуляй-город), о которых пойдет речь ниже. Необходимость в создании продуманной стратегии обороны от степных набегов сильно возросла после распада союза между Москвой и Крымом в 1510-х годах, когда нашествия крупных крымских «загонов» на русские земли приобрели особенно частый и угрожающий характер. К 1518 году уже существовала некоторая координация между действиями русских войск и обороной на местах. К 1527 году было завершено строительство крепостей в Переяславле-Рязанском, Кашире, Коломне, Туле и Одоеве, что впоследствии облегчило освоение пахотных земель далее к югу [Тихомиров 1962: 415]. Все это было сделано именно для защиты от татарских набегов, так как эта широко раскинувшаяся цепь укреплений перерезала пути наступления быстрой и маневренной крымской конницы. Системные меры, предпринимаемые Русским государством для защиты от набегов, оказались более успешными, чем действия поляков и литовцев, которые продолжали делать ставку на победу в прямых столкновениях с татарами; в Польше и Литве крепости и замки принадлежали знатнейшим представителям шляхты, и их гарнизоны были невелики. Чем дальше, тем яснее становилось, что стратегия, выбранная Москвой, намного эффективней [Каргалов 1986: 64–65; Багалеи 1887].

³¹ А. В. Чернов описывает похожую ситуацию, случившуюся в 1517 году, см. [Чернов 1954: 28].

Более того, строительство крепостей и содержание в них гарнизонов имело далеко идущие последствия не только на юго-восточной границе, но и на западе.

Помимо строительства укреплений на границе со степью, Иван III и Василий III стали все больше использовать в своих военных кампаниях огнестрельное оружие и начали приглашать в Москву иностранных инженеров и ремесленников и развивать новые технологии [Сыроечковский 1932: 198, 199]. Иван III особенно сильно интересовался южно-европейскими новшествами в области вооружений и фортификации. Вероятно, это было связано с тем, что в то время в Польше и Литве стали в большом числе строиться крепости из кирпича и камня. Все это не означало отказа от легкой кавалерии, которая по-прежнему была очень эффективна и необходима на поле боя. Однако использование артиллерии современного образца и других инноваций открывало новые возможности, особенно в том, что касалось ведения осады. В то время русские войска чаще захватывали города и крепости благодаря упорству (осадой или измором), а не штурмом [Hellie 1972: 159; Herberstein 1969: 79; Герберштейн 2008]. На широких и малонаселенных просторах Восточной Европы конница все еще являлась лучшим инструментом для блокирования крепостей, отражения вылазок и снабжения осадных войск [Frost 1993: 60–62]. Однако с помощью артиллерии и инженеров войско, главной ударной силой которого по-прежнему была кавалерия, могло захватывать крепости намного быстрее.

Эти инновации быстро прижились. В 1460-х годах в нескольких русских городах были отлиты железные пушки. После приглашения Иваном III в 1470-х годах архитектора и военного инженера из Болоньи Аристотеля Фиораванти в Москве была создана пушечная изба³², в которой производился порох и отливались пушки из импортной меди. В XV столетии артиллерия все еще по большей части использовалась для защиты крепостных стен, однако ближе к концу века с появлением лафетов и цапф пушки стало проще перемещать с места на место. Тяжелые орудия по возможности перевозились по воде, а не сушей. Фиораванти участвовал в кампаниях Ивана III и был начальником артиллерии в походах против Новгорода (1478), Казани (1482) и Твери (1485). В начале XVI века пушки также использовались русскими войсками под Псковом, Казанью, Феллином, Серпейском, Оршей, Выборгом и Смоленском. Поначалу русские пушкарники не отличались особым умением, однако артиллерийский огонь все равно играл важную роль при осаде, отвлекая внимание защитников крепости в то время, когда сам штурм происходил в другом месте. В 1513 году Василий III успешно использовал защищенную земляными валами артиллерию при осаде Смоленска [Гуляницкий 1994: 59–60; Чернов 1954: 37–38; Зимин 1982: 106; Разин 1955, 2: 346; Davies 2004a: 8].

Фиораванти обладал и другими технологическими и инженерными познаниями, имевшими военное применение. В 1477 году он возвел временный, но чрезвычайно прочный pontонный мост через Волхов и научил русских делать прочные кирпичи. Также Фиораванти познакомил Ивана III с новыми³³ тенденциями в области фортификации, в которых делался упор на использование артиллерии – прямые и более широкие, чем раньше, куртины, ниши для пушек, турели и слегка выступающие угловые башни, игравшие ключевую роль при обороне крепости. По всему Русскому государству началось строительство укреплений с использованием инновационных материалов и технологий; организацией и субсидированием всех этих проектов занимались новые власти, вводившие специальные налоги. Первым был построен Московский Кремль, затем были возведены крепости в Новгороде, Пскове, Ладоге, Копорье,

³² Первое летописное упоминание о пушечной избе относится к 1475 году, на базе пушечной избы в конце XV века был создан Пушечный двор. – *Примеч. ред.*

³³ Кремль стал фортификационным сооружением нового типа для Русского государства. Однако он был возведен по образцу миланской крепости (замка Сфорца), который скоро устарел, в то время как с середины 1490-х годов во Франции и далее везде стали вместо башен использовать бастионы многоугольной формы, о которых писал Л.-Б. Альберти в своем трактате «Десять книг о зодчестве» (1485).

Яме и Ивангороде – с прямоугольной цитаделью современного типа. При Василии III были построены крепости в Нижнем Новгороде, Зарайске и Туле. Эти фортификационные сооружения были символом единства Русского государства, так как они оберегали не прежние границы Московского княжества, а рубежи всех русских земель в целом [Parker 1996: 9; Зимин 1972: 97; Разин 1955, 2; Земцов, Глазычев 1985: 132, 134, 142; Ramelli 1976: 130–138; Мильчик 1997: 14–18].

Внедряя в русскую армию новшества, связанные с использованием огнестрельного оружия, русские правители первоначально опирались на умения иностранных мастеров и наемников. Враги Москвы пытались этому противостоять: Швеция, Германия и балтийские города вводили военное эмбарго против Русского государства (кто жесткое, кто не очень) [Esper 1967a: 187; Tiberg 1995: 232–238]. Перемещение товаров военного назначения и специалистов военного дела из Европы на восток и обратно имело очень ограниченный характер, однако этому мешало не только эмбарго. Фиораванти и сопровождавшие его соотечественники были одними из самых выдающихся иностранцев, которые, несмотря на все препятствия и запреты, состояли на службе (напрямую или опосредованно) у русских правителей в XV и XVI веках. В Москве возникла Немецкая слобода, в которой жили итальянские и немецкие наемники. Эти европейцы участвовали почти во всех военных кампаниях Ивана III и Василия III, сражаясь бок о бок с русскими ратниками, несмотря на все языковые, этнические и конфессиональные барьеры, которые их разделяли³⁴. Однако в первой половине XVI века русское правительство стало постепенно заменять европейских наемников своими подданными. Новая служба считалась менее почетной, чем служба в коннице, которая комплектовалась исключительно из представителей знати, поэтому пушкарями и другими специалистами становились представители податных сословий. Военная служба такого рода тоже не давала шанса стать членом правящей элиты. Поэтому, как и казаки, русские пушкарники и затинщики были служилыми людьми «по прибору», которые проходили обучение, получали довольствие и жили в особых слободах [Зимин 1972: 143; Smith 1989: 126–127; Разин 1955, 2; Очерки истории СССР 1955: 126–127]. К 1520 году в московском войске были собственные артиллерийские части, во главе которых зачастую стояли знатные русские командиры. Поначалу командование артиллерией не считалось почетным, особенно по сравнению с командной должностью в коннице. Однако через некоторое время представители не самых знатных семей стали воспринимать службу в артиллерии как возможность добиться таких высоких постов, на которые они никак не могли бы претендовать при прежнем положении дел [Зимин 1972: 144; Smith 1989: 137–138]. Производство и использование пушек, особенно при осадах, без труда стало частью военного устройства Русского государства. Со временем русские пушкарники стали очень искусны в артиллерийском деле.

Однако в распоряжении русского войска имелись не только пушки. Уже при Иване III существовали небольшие отряды пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. Пищали использовались во время «стояния на Угре» в 1480 году, также известно о существовании отрядов пищальников в 1504–1508 годах. В 1510 году Василий III при присоединении Пскова и в походе на юг задействовал отряд из 1000 пищальников [Hellie 1972: 157–158; Земцов, Глазычев 1985: 135]. Эти люди набирались из городского населения и, безусловно, не принадлежали к помещичьему сословию, представители которого служили в коннице. Их обучение было недолгим, и само оружие им не принадлежало. Как и прочие служилые люди, они призывались только на время проведения военной кампании и после окончания похода распускались по домам [Чернов 1954: 30]³⁵.

³⁴ В отличие от иностранных наемников татарская конница принимала участие не во всех военных походах Русского государства.

³⁵ См. гл. 1 [Гулевич 1911].

Появление даже нескольких отрядов, вооруженных огнестрельным оружием, требует внесения некоторых коррективов в действия армии, где главной ударной силой является легкая конница. В случае с Русским государством эти изменения носили тактический характер, то есть повлияли на происходящее на поле боя. Пищальники использовали бердыши в качестве подставок для стрельбы и во время перезарядки и выцеливания нуждались в защите. Пушкарям тоже требовалось какое-то время для подготовки к новому выстрелу. Поскольку поместная конница не была вооружена пиками и в русском войске вообще не было пехотинцев-пикинеров, то для защиты артиллерии и пищальников была придумана передвижная крепость – гуляй-город. Первое упоминание об этих полевых укреплениях из сцепленных друг с другом деревянных щитов относится к 1522 году; во время боя они служили защитой артиллерии и пехоте и были особенно эффективны против татарских луков и стрел. Хотя гуляй-город и можно было ценой больших усилий перемещать по полю боя, он не был предназначен для проведения смелых пехотных маневров. Скорее всего, эти щиты или поставленные кругом обозные телеги (*вагенбург* или *табор*) служили укрытием пехоте и артиллерии на поле боя, где главные события, как и раньше, происходили с участием легкой конницы; все это позволяло сохранять прежнее устройство русского войска без фундаментальных изменений. Кроме того, гуляй-город давал возможность и коннице сделать передышку и перегруппироваться после неудачной атаки; все эти факторы способствовали тому, что русские войска все чаще стали использовать в сражениях какое-то количество пушек. Тем не менее, с учетом того, что поместная конница по большей части сама обеспечивала себя всем необходимым во время похода, Русское государство долго не могло создать тыловые службы, которые позволяли бы своевременные поставки пороха в армию на марше.

Два этих нововведения – создание стратегии защиты от степных набегов и внедрение огнестрельного оружия – стали ответом Москвы на те конкретные задачи, которые были поставлены перед Русским государством на рубеже XV–XVI веков. Во-первых, началось строительство цепи укреплений, которые должны были защитить занимавшихся сельским хозяйством подданных русского государя на границе со степью. Хотя конное войско умело отражать татарские набеги, в стратегическом плане крепости оказались гораздо более действенным средством защиты оседлого населения, позволяя сосредотачивать и локализовать конницу и другие войска для их эффективного использования. В то же самое время Москва не оставила без внимания и частично переняла инновации в области фортификации и использования пехоты и артиллерии, подмеченные у западных соседей Русского государства.

Однако не надо впадать в заблуждение, делая вывод о том, что Русское государство вело военные действия двух типов – один против татар, а другой на западе. Русские воеводы эффективно использовали все эти новшества на обоих фронтах. Пищали использовались не только при присоединении Пскова, но и во время стояния на Угре. Новые крепости строились как рядом с Казанским ханством (Васильсурск), так и на западе (Ивангород). Конные набеги и гуляй-город были важнейшими инструментами в войне как с татарами, так и с Литвой. Дипломатическая деятельность Русского государства была скоординированной и последовательной как в отношении исповедующих ислам татарских соседей на юге и востоке, так и с христианами-европейцами на западе. Точно так же и военная политика Москвы состояла в том, чтобы одинаково эффективно использовать тактические и технологические инновации во всех случаях и независимо от противника.

Однако при всей своей значимости эти новшества не повлекли за собой серьезных изменений в структуре русского войска. Вплоть до второй половины XVI века московские правители продолжали делать стратегическую и тактическую ставку на легкую мобильную кавалерию, и это было оправдано и с военной, и с экономической точки зрения. Благодаря развитию единого государственного аппарата, Русское государство получило новые возможности по организации людских и прочих ресурсов. Это позволило заняться строительством крепостей

и наладить производство огнестрельного оружия. Однако даже солдаты, служившие в новых частях русской армии, по-прежнему, пусть и частично, существовали в рамках старой фискальной системы. Хотя они и получали жалованье, многие из них жили в слободах и занимались сельским хозяйством. Такое смешение старого и нового сохранялось в Русском государстве и после 1650 года, при этом доминирующая роль конницы – и как военной силы, и в плане статуса – оставалась прежней. Поместное войско было ядром русских вооруженных сил, и социально-политическая структура Русского государства была устроена таким образом, чтобы увеличивать и поддерживать дворянскую конницу. На самом деле, поскольку новые территориальные приобретения Москвы только укрепляли поместную систему, фундаментальные принципы организации русской армии по образцу степного войска не только не менялись, но становились еще более прочными.

Экспансионистские войны

Успех экспансионистской политики Русского государства при Иване III и Василии III был обусловлен двумя факторами: внутренней консолидацией и увеличением военного и стратегического потенциала Москвы. В некоторых случаях захват обширных территорий и присоединение соседних княжеств происходили благодаря консолидационным процессам – сложным дипломатическим переговорам, матримониальным связям и угрозой применения военной силы, – а не боевыми действиями как таковыми. Однако Русское государство все равно постоянно воевало со множеством врагов: с Казанью, Литвой, Ливонским орденом, Швецией и другими русскими княжествами. Ключевым элементом военной стратегии при Иване III и Василии III по-прежнему оставались конные набеги, однако теперь Москва могла осуществлять вторжения более часто и более крупными силами, что привело не столько даже к захвату новых территорий, сколько к росту ее политического влияния. Кроме того, Русское государство постепенно осваивало и все активнее использовало военные стратегии, основанные на строительстве, захвате и удержании крепостей. Эти стратегии часто были связаны с использованием огнестрельного оружия, которое в то время как раз стало внедряться в русской армии.

Так, при Иване III большая часть военных действий, проводимых Москвой, представляла собой стремительные походы и набеги, цель которых заключалась не в захвате или занятии новых земель. Когда в Русском государстве сформировалась эффективная административная система, великий князь получил возможность в течение одного календарного года провести две (или даже больше) крупные военные кампании против одного и того же противника, иногда задействуя в них артиллерию и пехоту. Однако эти походы по большей части были очень короткими. Все это находилось в полном соответствии с политикой Русского государства, его излюбленной военной стратегией и самой природой поместного войска. Армия, состоящая из людей, которые сами упражняются в военном искусстве и сами обеспечивают себя вооружением и всеми необходимыми припасами, не может воевать круглый год; помещики должны были какое-то время уделять присмотру за своими землями.

Прекрасным примером такой военной политики являются ранние кампании Москвы против Казанского ханства. Во второй половине XV века главная военная задача Русского государства заключалась не в захвате татарских земель, а в оказании политического давления на Казанское ханство в интересах союзника Ивана III – Крымского ханства. И здесь ключевую роль сыграли новые административные возможности Москвы, позволившие проводить более частые и масштабные кампании. Русские войска выступали на Казань в конце 1460-х, в 1486–1487 и в конце 1490-х годов, вмешиваясь в местные междоусобицы и способствуя возведению на казанский престол ставленников Крыма. Эти походы не всегда заканчивались полным успехом, однако военное присутствие Москвы постоянно угрожало независимости Казанского ханства.

В начале XVI столетия Российское государство оказывало давление на Казань, действия уже в своих собственных интересах, однако избранная Москвой военная стратегия почти не изменилась. Василий III, особенно в начале своего правления, все так же делал ставку на крупные и частые набеги. Когда в 1506 году в Казани было совершено нападение на русских купцов и был захвачен московский посол, Василий быстро организовал против татар сразу два больших похода. Как и в годы правления Ивана III, набеги и походы русских не привели к уничтожению независимости Казанского ханства или захвату земель, но это и не было их целью.

Со временем сработал кумулятивный эффект от русских вторжений, и политическая стабильность Казани была подорвана. Впрочем, давление, оказываемое Москвой, было непостоянным, и Казанское ханство еще долго оставалось серьезным противником Русского государства – отчасти из-за того, что русскому войску было трудно добраться до его столицы. Два похода Василия III в 1506 году закончились неудачей, и татары отпустили московского посла на свободу только в 1507 году, когда русские начали подготовку к новой военной кампании. В 1520–1523 годах Казанское ханство все более враждебно реагировало на вмешательство Москвы в свои дела; все это закончилось казнью московского посла в Казани в 1523 году.

В последовавшей за этим событием военной кампании Василий III впервые прибег к новой стратегии, заключавшейся в захвате плацдарма на территории Казанского ханства. На этот раз на татарском берегу пограничной реки Суры в месте впадения ее в Волгу была построена крепость – Васильсурск. Эта крепость сократила время и расстояние, требовавшиеся русскому войску для нападения на Казань; это были ключевые факторы, которые ранее мешали успешному ведению войны с татарами. Кроме того, Васильсурск открыл дорогу к использованию новых военных возможностей Русского государства. Медленно движущаяся пехота³⁶, тяжелая артиллерия и осадные орудия, которые должны были участвовать в нападении на столицу Казанского ханства, были заранее отправлены в новую крепость впереди основного войска. Однако, как и в других укреплениях на границе со степью, в Васильсурске необходимо было содержать постоянный гарнизон, что для армии, собранной из поместных землевладельцев, представляло трудность [Pelenski 1974: 50; Разин 1955, 2]. В случае с Васильсурском новая стратегия не дала быстрых плодов. Из-за нападений татарской конницы русские войска, выдвинувшиеся в том же 1524 году из Васильсурска к Казани, лишились большей части своих припасов и вскоре были вынуждены свернуть осаду столицы. В результате политические задачи, стоявшие перед Василием III в этом походе, были решены лишь отчасти. По окончании русско-казанской войны 1521–1524 годов престол занял новый хан, который был крымским ставленником, заинтересованным в мире и сотрудничестве с Москвой, – компромиссная фигура, а не марионетка Кремля. В 1524 году русские купцы занимались торговлей в Нижнем Новгороде, а не в Казани; таким образом, непрочный мир продержался вплоть до смерти Василия III. Русское государство все сильнее укреплялось в своем желании полностью подчинить себе Казанское ханство, которое отдельные элементы в русском обществе уже начали воспринимать как своего идеологического противника [Pelenski 1974: 52].

³⁶ Первые пехотные части русского войска назывались «судовая рать», поскольку они обычно перемещались водой – на судах [Разин 1999, 2].

Карта 2. Великое княжество Московское (1462–1533) (взята из атласа «An Atlas of Russian History: Eleven Centuries of Changing Border» А. Ф. Чу [Chew 1971])

Стратегия использования крепостей также оказала большое влияние на ход русско-крымского противостояния, начавшегося после того, как при Василии III распался союз между этими двумя государствами. После 1500 года обе стороны выказывали все меньше интереса в продолжении прежнего сотрудничества. С падением Большой Орды у них больше не было общего врага, а что касалось ситуации с Казанским ханством, то здесь Москва с Крымом не столько действовали заодно, сколько боролись друг с другом за то, чтобы посадить на ханский престол своего ставленника. Нежелание Василия III отправлять крымскому хану и его приближенным щедрые подарки тоже не улучшило положения дел. Не объявляя войны,

крымцы начали опустошать русские земли: до 1520 года было совершено 17 крупных набегов, а после – множество мелких. Оборонительная стратегия Москвы оказалась до некоторой степени эффективной, хотя военная удача склонялась то на одну, то на другую сторону.

Уязвимость системы русских крепостей стала очевидной после того, как отношения Москвы с Крымом стали еще хуже и в 1519 году был заключен крымско-литовский союз. Два года спустя, когда главные силы русского войска сражались на западе, хан Мехмед I Гирей предпринял крупный поход на Русь. Его всадники свободно миновали слабо защищенные приграничные крепости с небольшими гарнизонами: стремительная татарская конница могла не бояться нападения с тыла. Один крупный отряд повернул на восток, другой же занял предместья русской столицы и окружил Кремль. По иронии судьбы, единственный почти за 100 лет враг, осадивший московскую крепость, не стал испытывать на прочность ее стены, рассчитанные на отражение артиллерийской атаки. Мехмед I Гирей добился от московских бояр и командовавшего обороной столицы казанского царевича Худай-Кула (после крещения Петра Ибрагимовича. – *Примеч. пер.*) – потомка Чингисхана и зятя Василия III – обещания выплатить дань и отступил со своим войском. Крымские татары увели с собой огромное количество пленных и захватили богатую добычу. Оказалось, что сами по себе приграничные крепости не могут защитить русские земли от крупного набега. В 1522 году Василий III лично возглавил ежегодный сбор русского войска, ожидая нового нападения крымцев; оборона границ была усилена пехотными частями и артиллерией. Для координации действий по защите от набегов была построена новая крепость в Коломне; успешная реализация этого проекта стала большим достижением русского правительства [Khodarkovsky 2002: 97–100; Ходарковский 2019; Martin 1995: 325; Каргалов 1973: 141, 145]. Однако тот факт, что в Русском государстве по-прежнему каждый год объявлялся сбор войска для защиты от татарских нашествий, демонстрирует приверженность великого князя прежней военной стратегии с акцентом на действия легкой конницы и ответные набеги. Строительство и содержание в порядке крепостей были лишь дополнением к этому.

Задачи, которые стояли перед Русским государством в пограничных войнах с его западным соседом и соперником, Великим княжеством Литовским, были совершенного иного рода. Здесь речь шла в первую очередь о присоединении новых территорий. Особенно сильно Москва стремилась отнять у Литвы те княжества, которые когда-то входили в состав Киевской Руси.

Военное устройство Великого княжества Литовского во многом напоминало московское; литовцы тоже прибегали к стратегии опустошения приграничных земель быстрыми набегам, участники которых после боевых действий возвращались в свои поместья и занимались сельским хозяйством. Соперничая за контроль над степью, Литва и Русское государство при случае заключали союзы с татарскими князьями. У Великого княжества Литовского не было существенного преимущества над Москвой в области военных технологий. В Литве, как и у ее восточного соседа, не было постоянных пехотных частей вплоть до второй половины XV века – по административным и политическим причинам. Как и Польша, с которой у нее был общий монарх, Литва не расходовала на оборону границ средства из казны. Поэтому не стоит удивляться, что в пограничных войнах между Русским государством и Литвой обе стороны использовали тактику выматывания и убеждения, а набеги и походы были средством политического и военного воздействия на местных князей, заставлявшим их перейти на службу новому сюзеру.

Однако в Великом княжестве Литовском, королевстве Польском (с которым Литва образовывала двуединую монархию) и близлежащей Ливонии было сравнительно много городов с каменными, а не деревянными замками и крепостными стенами. Ливония была просто усеяна такими крепостями, некоторые из которых были возведены по новейшему немецкому образцу. В начале XVI столетия в армиях этих государств были специалисты по артиллерий-

скому и осадному делу, и некоторые из них были наняты Москвой [Зимин 1972: 153]³⁷. Хотя Русское государство, безусловно, использовало артиллерию, осадные орудия и вооруженные огнестрельным оружием войска во всех своих военных конфликтах, все эти инновации пришли с запада, и именно в войнах начала XVI века за пограничные территории с Литвой они играли особенно важную роль. В 1500-х годах это противостояние приобрело сложный военно-дипломатический характер. Москва часто организовывала большие походы на Литву (как и на Казань). Навыки осады и штурма каменных крепостей, полученные на западе, вскоре пригодились и в восточных военных кампаниях.

Однако с 1480 по 1491 год Русское государство по большей части ограничивалось мелкими (иногда более крупными) набегами на литовские земли; литовцы отвечали тем же самым. В это и последующее десятилетия, устав от этих опустошений, немало крупных православных землевладельцев и князей присягнули на верность московскому государю. Согласно одной точке зрения, эти люди чувствовали себя ущемленными географически и политически при литовском дворе. Их переход на службу Москве был обусловлен не столько конфессиональными соображениями, сколько тем, что они хотели защитить свои земли от русских набегов и получить возможность возвыситься при дворе московского князя, где они получали право на новые должности и награды [Кром 2010: 131]³⁸. Таким образом, присоединение этих княжеств началось с набегов, однако завершилось благодаря включению их правителей в московскую придворную элиту. Новосильские князья, став активными союзниками Москвы, попытались в какой-то степени сохранить свою автономию. Другие вместе со всеми своими землями и людьми просто переходили на службу великому князю Московскому. Так, например, поступили представители знатного рода Бельских. Бежавший в Москву Федор Бельский, участвовавший в заговоре против короля Казимира, получил в управление ряд областей на литовской границе, находившихся между его прежними землями и поместьями, дарованными ему Иваном III. Такая политика кнута и пряника (постоянное военное давление с одной стороны и возможность возвыситься с другой) позволила Москве присоединить к своим владениям огромные территории на западе.

После известий о смерти великого князя Литовского и короля польского Казимира IV в 1492 году Иван III послал против Литвы крупное войско. Некоторые литовские города, например Вязьма, были взяты почти без боя. Другие, в том числе Любутск, Мценск, Серпейск и Мезецк (Мещовск), князья которых не захотели переходить на сторону Москвы, были захвачены после осады и штурма. На защиту Серпейска были брошены литовские войска из Смоленска; после взятия русским войском город был сожжен. Русские добились больших успехов в захвате и обороне крепостей. В 1494 году был заключен мирный договор, по которому большая часть захваченных земель вошла в состав Русского государства. Дочь Ивана III Елена стал женой нового великого князя Литовского Александра, и Литва признала за Иваном право именоваться «государем всея Руси». Князьям, которые в ходе этой войны перешли на сторону Москвы и оказали поддержку русским войскам, было позволено сохранить свои владения. Хотя часть захваченных земель по договору была возвращена Литве, новоприсоединенные территории с трех сторон окружали литовские княжества возле реки Угры. Эти земли зачастую вступали в состав Русского государства из-за того, что такое решение приняли их князья, а не вследствие завоевания и захвата [Разин 1955, 2; Alef 1973: 104–105; Зимин 1982: 97–104].

Активное военное присутствие Русского государства на территориях, примыкающих к восточной части Балтийского моря, привело к более частым контактам Москвы со столь

³⁷ Разин пишет о том, русские добились больших успехов в искусстве захвата и обороны крепостей, а также развили навыки владения артиллерией [Разин 1955, 2].

³⁸ А. А. Зимин считает, что православие, напротив, сыграло существенную роль в этом процессе [Зимин 1982: 95–97].

непохожими на нее странами Европы. В 1480 году рыцари Ливонского ордена напали на Псков, а год спустя русские войска совершили поход на ливонские земли. Мирные соглашения были подписаны только в 1493 году. Мирный договор с Литвой – в 1494 году³⁹. В рамках агрессивной экономической политики, направленной против Ливонии и Ганзейского союза, Иван III закрыл ганзейский квартал в Новгороде (Немецкий двор) и повелел возвести напротив ливонской Нарвы порт-крепость Ивангород, чьи построенные в форме каре стены были способны противостоять артиллерии [Hellie 1972: 158; Мильчик 1997: 119–132].

Находившееся к северу королевство Дания, оценив, как выросло влияние Русского государства в Восточной Балтике, заключило с Москвой союз против правителя (регента) Швеции Стена Стуре Старшего. Дания стремилась к главенствующей роли в Кальмарской унии, а Русское государство хотело передвинуть финскую границу дальше на запад. Успешные набеги русских войск на территорию шведской Финляндии привели к тому, что в 1496 году шведы в ответ взяли Ивангород и сожгли его. Однако вскоре русские отбили эту крепость и, после того как в 1497 году со шведами было заключено шестилетнее перемирие, снова отстроили Ивангород [Мильчик 1997: 32–45]⁴⁰.

Немалую роль в укреплении международного положения Русского государства сыграли и дипломатические контакты. Иван III установил отношения с королевством Венгрия и Священной Римской империей, которой в то время правил Максимилиан II. В 1480-х годах Иван заключил плодотворный союз с господарем Молдавии Стефаном III Великим; этот альянс стал еще прочнее после брака дочери Стефана Елены и наследника московского престола (на тот момент) Ивана Молодого. Союз, заключенный в 1490-х годах между Молдавией и Крымским ханством, привел к образованию тройственной коалиции против Польши и Литвы. Нападение Польши на Молдавию, бывшую вассалом Османской империи, привело к ответной карательной экспедиции турецких войск против поляков. В те же годы ко двору османского султана прибыл первый русский посол [Смирнов 1946, II: 70–72].

В 1500–1503 годы Русское государство снова воевало с Литвой. Иван III ударил по двум направлениям: одно войско выдвинулось на юго-запад в сторону Брянска, а другое – на запад в направлении Дорогобужа. Поначалу русские почти не встречали сопротивления. Силы Ивана III захватили несколько городов, и местные князья стали массово переходить на сторону Москвы. В 1500 году Литва проиграла крупное сражение на реке Ведрошь. Однако литовцы быстро пришли в себя, и продвижение русских войск стало менее быстрым и успешным, притом что военные кампании Москвы в принципе не были рассчитаны на длительный срок. Кроме того, действия Ивана III спровоцировали ответную реакцию со стороны соседних государств: Венгрия угрожала прийти на помощь Литве, а союзник Великого княжества Литовского Ливония открыла второй фронт и напала на земли вокруг Ивангорода и Пскова – в ответ войска Русского государства совершили успешный рейд в Ливонию, разорив окрестности Дерпта и дойдя до Нарвы. Также в военный конфликт вступили Большая Орда и Крымское ханство.

В 1502 году русские войска осадили стратегически важную литовскую крепость Смоленск. Политическую и военную важность этой кампании подчеркивал тот факт, что во главе ее стоял третий сын Ивана Дмитрий Жилка и лучшие московские воеводы. В помощь им были направлены дополнительные войска, однако благодаря решительным действиям литовских рыцарей им не удалось соединиться с основными силами, и Дмитрию пришлось отступить от Смоленска. Неудачу этой кампании можно объяснить тем, что русские не смогли собрать воедино все свои силы; кроме того, было плохо организовано артиллерийское снабже-

³⁹ Подробнее об этом см. гл. 11 и 12 [Urban 2003; Урбан 2010].

⁴⁰ Шведы подожгли деревянные сооружения в Ивангороде с помощью зажигательных стрел; они не штурмовали крепость, используя артиллерию [Tiberg 1995: 137].

ние и была выбрана не лучшая стратегия. Благодаря своим союзническим связям Ивану III удалось только отвлечь литовские войска и не пустить их к Смоленску на помощь осажденному гарнизону крепости. Несмотря на то что в этой войне с Литвой успех не всегда был на стороне Москвы, подписанное в 1503 году перемирие де-факто закрепило за Русским государством право на огромные территории, завоеванные в годы правления Ивана III – почти треть от прежней площади Великого княжества Литовского. Впрочем, этот мир был весьма хрупким, и различные приграничные набеги и военные конфликты между Литвой и Русским государством продолжались еще много лет [Кром 2010: 131, 229; Разин 1955, 2; Зимин 1982: 178–196]⁴¹.

Новая война между Москвой и Литвой началась в 1507 году уже после смерти Ивана III и Александра Ягеллона. Вассал великого князя Литовского князь Михаил Глинский восстал против своего сюзерена, брата Александра Сигизмунда I. Потерпев поражение, он бежал в Москву и занял высокое место при дворе Василия III. После распада союза с Крымским ханством Русское государство оказалось в непростой ситуации. Войскам Василия III пришлось дважды отражать крупные набеги крымских татар на южные рубежи русских земель. Впрочем, на этот раз Ливонский орден выступил союзником Москвы.

Главной целью Василия III был захват Смоленска и его крепости. Окончательное вхождение Пскова в состав Русского государства, произошедшее в 1510 году, помогло подготовить плацдарм для новой осады Смоленска⁴². Далее было организовано несколько небольших походов на этот город. За этими набегами последовала безуспешная шестинедельная осада Смоленска в начале 1513 года. Летом того же года русская армия совершила второй поход под Смоленск и еще четыре недели осаждала его. В составе русского войска были наемники и специалисты по ведению осады из Священной Римской империи. Ключевой стала третья осада Смоленска летом 1514 года: крепость была взята после артиллерийского обстрела с окружающих город холмов [Дулов 1983: 219]⁴³.

Война продолжалась; Москве не удавалось развить свои первые успехи. В том же 1514 году русское войско, переправившись через Днепр, потерпело чувствительное поражение в битве под Оршей (см. иллюстрацию на обложке); польско-литовская летучая конница умело координировала свои действия с маневрами отрядов наемников (пехотой и артиллерией). Хотя Сигизмунду и удалось отбить у русских несколько городов, он не смог вернуть себе Смоленск; в 1517 году польско-литовская армия неудачно осаждала Опочку. После этого Русское государство прибегло к тактике пограничных набегов, вынуждая противника пойти на мирные переговоры. В 1519 году на Польшу напала Ливония; эта кампания, в целом не принесшая ощутимых плодов, была оплачена Москвой [Разин 1955, 2]. Поход крымского хана на Москву в 1521 году только способствовал желанию всех участвующих в конфликте сторон заключить перемирие, которое и было подписано в 1522 году сроком на пять лет и впоследствии было продлено до 1534 года.

К 1530 году Русское государство продемонстрировало свою способность регулярно собирать крупную армию, главной ударной силой в которой была легкая мобильная кавалерия при поддержке артиллерии и небольших отрядов пехоты, состоящей из временно призванных на военную службу посадских людей. Конные набеги по-прежнему играли ключевую роль в русской военной стратегии; кроме того, конница была и важнейшим тактическим инструментом на поле боя. Увеличение числа деревянных, каменных и кирпичных крепостей на границах Русского государства привело к повышению навыков осады, штурма и обороны таких укреплений. Отдельные военные кампании редко затягивались надолго, однако, как выясни-

⁴¹ Также см. гл. 8 [Fennell 1961].

⁴² Псков перестал быть вольным торговым городом; власть перешла в руки новой администрации, и в крепости был размещен новый гарнизон; сама крепость достраивалась и перестраивалась в 1517 и 1524–1526 годах [Зимин 1972: 121, 123].

⁴³ Герберштейн не был впечатлен действиями русских войск [Herberstein 1969; Герберштейн 2008].

лось в войне Василия III с Литвой, на большой территории русские войска вполне могли вести боевые действия в течение продолжительного периода времени. С учетом всего этого, Русское государство успешнее решало свои задачи на западе, чем в противостоянии с Казанью и Крымом. Против своих татарских соперников, несмотря на возведение крепости Васильсурск и начало строительства систем укреплений, которые впоследствии стали называться засечными чертами, Москва действовала не так эффективно – именно крымские, а не литовские войска окружили русскую столицу в 1521 году. Было очевидно, что главенствующая роль летучей конницы в военном устройстве Русского государства сохранится еще на какое-то время – как по чисто военным, так и по социополитическим соображениям.

Заключение

На момент смерти Василия III в 1533 году в Русском государстве уже сформировались единые принципы военной службы, хотя отдельные удельные и служилые князья все еще сохраняли некоторую степень автономии. Основу поместного войска составляли служилые люди «по отечеству», которые служили государству из поколения в поколение, воевали в рядах легкой дворянской конницы и занимали все командные должности в армии. Вооруженные силы Русского государства, главной ударной силой которых была мобильная кавалерия, постоянно росли благодаря тому, что на службу к великому князю Московскому переходила элита из новоприсоединенных княжеств. Самые высокие военные должности доставались представителям боярских, княжеских и других знатных родов, которые не только командовали войсками в различных походах и управляли теми или иными землями, но и выступали советниками московского государя в вопросах политики; их власть и влияние зависели от того, какими личными и родовыми связями при дворе они обладали. Помимо этих фигур верхнего уровня при дворе московского правителя состояли и люди менее высокого положения, тоже служившие в русском войске. На территориях, недавно вошедших в состав Русского государства, тоже были дворяне, в семьях которых право на службу передавалось по наследству; сначала они защищали собственные земли, а впоследствии стали принимать участие и в других военных кампаниях Москвы.

Военная служба была важнейшим элементом политического, социального и экономического устройства Русского государства. Она была той площадкой, на которой представители русской знати соревновались друг с другом за политическое влияние и более высокий социальный статус; в результате личные интересы правящей элиты Русского государства были тесно связаны со службой короне. Кроме того, вся эта система опиралась на поддержку землевладельцев из более низких сословий, которые в награду за свою службу получали поместья и крестьян для работы на них. Для многих помещиков условием владения землей (и, соответственно, экономического благополучия) было обязательство немедленно являться на военную службу, получив приказ свыше. Чтобы раздавать новые поместья все большему числу служилых людей, Российскому государству приходилось постоянно увеличивать площадь казенных земель за счет присоединения новых территорий; другими словами, поместная система в какой-то степени сформировалась благодаря выдающимся военным успехам Москвы, достигнутым до 1533 года. Все эти социальные, политические и экономические факторы, которые обуславливали как организацию русской армии, так и ее использование, только укрепляли значение легкой конницы как системообразующего элемента всего военного устройства Русского государства.

В то же самое время русская армия – пусть постепенно и в небольшом объеме – внедряла и некоторые новшества. Среди новых людей на службе московского князя были как иностранные специалисты в области артиллерии, фортификации, так и наемники-пехотинцы. Были и призванные на службу подданные русской короны (служилые люди «по прибору»); в отли-

чие от поместной конницы, эти казаки, пушкарки, затынчики и пицальники не принадлежали к знатному сословию. Некоторые из них специализировались в такой новой сфере военных технологий, как огнестрельное оружие, другие занимались организацией системы обороны от степных набегов и входили в состав небольшого государственного аппарата Русского государства. Их было немного, и они успешно взаимодействовали с главной ударной силой русского войска – легкой конницей – и регулярно использовались в военных кампаниях Москвы как на западе, так и на востоке. Русско-литовская война, завершившаяся в 1522 году, наглядно продемонстрировала, как успешно были освоены русскими некоторые из этих новых военных навыков. Эти инновации привели к некоторым незначительным изменениям в организации и тактике русской армии.

К концу первой трети XVI столетия Русское государство проявило себя как могущественная региональная держава. Оно выстояло под натиском со стороны своих степных соседей, а на западном фронте отвоевало у Литвы множество княжеств, некогда входивших в состав Киевской Руси. Хотя последняя война с Литвой и сделала очевидным тот факт, что для надлежащего снабжения армии, занимающейся осадой городов и участвующей в многочисленных сражениях, необходимо вводить новые налоги, Москва, безусловно, все еще была в состоянии продолжать территориальную экспансию, необходимую для содержания поместного войска. Такой была ситуация в Русском государстве к 1533 году, когда умер Василий III, оставив регентом свою вдову, а наследником престола своего трехлетнего сына.

Глава третья

Армия, завоевавшая империю

Обзор

После 14 тревожных лет, когда страной сначала управляла его мать, Елена Глинская, а затем боярские кланы, в 1547 году первым русским царем стал сын и наследник Василия III Иван IV. В последующие полвека выдающиеся события в Русском государстве, во главе которого находились Иван IV, а затем его сын Федор I, подтвердили право московских государей на этот титул, который в монархической иерархии Запада был равен императорскому. Русское царство вобрало в себя новые земли и народы, говорившие на разных языках и исповедовавшие разные религии, а также столкнулось с новыми военными задачами, неизбежно возникающими при строительстве империи.

Иван IV, также известный как Иван Грозный, правил Русским государством 37 лет – с 1547 по 1584 год. Это было беспокойное время, в ходе которого произошли важнейшие государственные реформы и были достигнуты большие военные успехи: в частности, состоялось покорение Среднего Поволжья. Однако имели место и сокрушительные поражения, и разорение русских земель – особенно в период опричнины (1562–1572), когда Иван разделил свое царство на две части и начал терроризировать собственных подданных. Историки расходятся в своих оценках правления Ивана Грозного, и многолетние споры о причинах и последствиях его действий не утихают и по сей день⁴⁴.

Разумеется, политические пертурбации и хаотичные метания, сопровождавшие правление Ивана IV, в какой-то степени наносили ущерб и военному устройству Русского государства. Однако так как все это время Москва неуклонно придерживалась своей экспансионистской политики и имела дело с одними и теми же противниками, набор военных задач, стоявших перед Иваном Грозным, а затем и перед его наследником Федором, был более-менее постоянным. При Иване IV Русское государство вело множество войн: начало этой экспансии было положено в 1550-е годы, когда состоялись Казанские и Астраханские походы, завершившиеся покорением обоих этих ханств. Русские завоевания в низовьях Волги и продвижение в сторону Кавказа привели к недолгому противостоянию с Османской империей и несколькими походам на Крым. Наконец, ослабление Ливонии побудило Ивана IV напасть на эту привлекательную со стратегической и коммерческой точек зрения территорию в восточной части Балтийского моря. Это привело к многолетнему военному конфликту между Русским государством, Речью Посполитой и Швецией, длившемуся с 1558 по 1582 и затем с 1590 по 1595 год. При этом в ходе всей экспансионистской деятельности Москвы присутствовала постоянная военная задача: защита южных границ государства от набегов крымских татар, которые по мере роста империи становились все более частыми.

Вся эта лихорадочная деятельность происходила в постоянно меняющейся и нестабильной социальной и политической обстановке. Разногласия, разрывавшие московский двор в годы регентства Елены Глинской и боярского правления, угрожали разрушить политическое равновесие, существовавшее в Русском государстве. Достигнув совершеннолетия, Иван попытался стабилизировать отношения между боярами; в 1565 году он отказался от этого курса и учинил опричнину, а после опричнины его решения стали еще более сумасброд-

⁴⁴ См., например, в журнале «Russian History». 1987. Vol. 46. № 2, который почти полностью посвящен этой теме. Если говорить о недавних исследованиях, полезные соображения высказываются в книге И. де Мадариаги [de Madariaga 2005: x–xv; де Мадариага 2007].

ными. В конце концов, когда поражение в Ливонской войне стало неминуемым, Иван Грозный в 1581 году нанес политическому устройству Русского государства еще один имевший катастрофические последствия сокрушительный удар, когда в приступе безумия убил своего сына и наследника. В последние годы правления стареющего царя бездетность его единственного законного преемника Федора создала предпосылки для последующего династического кризиса.

Скорее всего, главным катализатором перемен в военном устройстве Русского государства при Иване IV стала колоссальная и непрекращающаяся, хотя и неравномерная и не всегда успешная экспансия. До 1550 года Русское государство поглотило множество русских княжеств – отчасти за счет административных усилий наместников, а отчасти благодаря включению новых элит в московскую придворную иерархию. Даже Новгород, чье сопротивление Москве было не единожды подавлено силой, в конце концов стал частью единой административной системы с прямым управлением из Москвы. Однако в случае с завоеваниями Ивана Грозного в середине XVI века дела обстояли совершенно иначе. Территории, захваченные Москвой во второй половине XVI столетия, не так легко поддавались вхождению в Русское государство. Ситуацию усугубляли и становившиеся все более весомыми идеологические установки, согласно которым Москва отождествлялась с Восточной православной церковью, а ее враги (в том числе покоренные и вошедшие в состав империи) – с другими религиями. Русской армии на завоеванных землях приходилось защищать не только новые границы, но и саму власть московского государя. Казанское и Астраханское ханства оставались по-прежнему враждебно настроены по отношению к Москве и в любой момент были готовы восстать. В ходе Ливонской войны Ивану IV удалось оставить за собой только те территории, где он мог на постоянной основе удерживать крепости и земли вокруг них. Примерно так же обстояли дела и на южных рубежах империи, где крымские татары все более ожесточенно нападали на приграничные крепости – форпосты русской экспансии на юг. Походов и карательных набегов было уже недостаточно: Русскому государству требовалось содержать постоянные гарнизоны во все большем количестве крепостей.

С течением времени экспансия привела к возникновению империи, которая не могла более функционировать за счет имевшихся ресурсов и очевидно требовала перемен в военном устройстве. Во-первых, Русское государство нуждалось в том, чтобы иметь возможность гарантированно и в установленном порядке собирать крупные армии для защиты своих постоянно расширяющихся границ – разведки, отражения внезапных вторжений и ответных кампаний. Иван IV попытался решить эту задачу, укрепив позиции поместного дворянства и взамен потребовав от помещиков исполнения новых военных обязанностей.

Во-вторых, что, возможно, даже более важно, для комплектования гарнизонов все большего количества крепостей на окраинах Русского царства стало необходимым создать более-менее регулярные войска, служба в которых была бы постоянной⁴⁵. Элитная поместная конница, члены которой уделяли воинской службе только часть своего времени, а оставшееся время – управлению своими поместьями, могла выполнять эти обязанности только в исключительных случаях. Решением этой задачи стало появление в Русском государстве служилых людей «по прибору» – по сути, людей, состоящих на службе по контракту. Слова «по прибору» означают, что они были набраны на службу, а не состояли в служилом сословии по праву рождения. Поэтому в условиях того времени их социальное положение было ниже, чем у дворян-помещиков. При Иване Грозном тактика ведения боя уже предполагала ведение массированного огня, и потому большую часть служилых людей «по прибору» составляли стрельцы – обученные обращаться с огнестрельным оружием пехота и конница, ставшие первыми постоянными частями русского войска; они использовались и при ведении боевых

⁴⁵ О составе вооруженных сил Русского государства при Иване IV см. [Баиов 1909: 69–70].

действий, и на гарнизонной службе. В армии Ивана IV было больше пушкарей, инженеров, затинщиков и даже воротников, чем при Василии III. Кроме того, существенно возросло число ополченцев: казаков и прочих служилых людей, которые состояли в крепостных гарнизонах, получив взамен находившиеся неподалеку небольшие участки земли. Многие из них несли коллективную службу: так, у казаков земля принадлежала общине, а не отдельным людям. Хотя эти разряды и отличались друг от друга боевой подготовкой и опытом, все они были полезными при осаде или защите крепостей. Кроме того, хотя татарские царевичи по-прежнему получали в армии Русского государства самые высокие командные должности, членами рядового состава иноземных войск – то есть отрядов, набранных в вассальных княжествах или из людей нехристианского вероисповедания, – тоже были служилые люди «по прибору». В результате всех этих преобразований во второй половине XVI века социальная структура русских вооруженных сил претерпела существенные изменения. За исключением иноземных частей, армия Русского государства во времена Ивана IV и его сына Федора на треть состояла из людей, бывших на контрактной службе. Есть мнение, что, несмотря на некоторый политический и социальный антагонизм, существовавший между ратниками знатного происхождения и стрельцами, принадлежащими к низшим сословиям, роль этих самых служилых людей «по прибору» как раз и заключалась в том, чтобы служить противовесом поместной коннице [Hellie 1972: 267]⁴⁶.

По мере того как происходили все эти изменения, в русской армии становилось все больше иноземных военных и специалистов, и влияние, оказываемое ими на организацию русской армии, тоже постоянно росло. При Иване IV в русской армии состояли 4 000 иноземцев. Несмотря на военное эмбарго, введенное Ливонией, военные специалисты из Литвы, Италии и прочих стран во множестве стекались в Москву. Носителями новых идей становились и русские люди, прежде служившие в армии Речи Посполитой. Эффект от всего этого был совершенно потрясающим [Hellie 1972: 267; Esper 1967a: 182–183]. Во второй половине XVI века Русское государство инвестировало значительные ресурсы в производство пороха и разработку огнестрельного оружия, стало использовать тяжелую артиллерию для осады крепостей и подготовило специалистов в области инженерного, а также саперного дела и минирования. Было завершено строительство 150 крепостей: некоторые из них были простыми деревянными укреплениями, однако другие были кирпичными или каменными и могли выдерживать артиллерийские обстрелы. Кроме того, при Иване Грозном государство стало создавать собственное огнестрельное оружие (артиллерию и ручное оружие) силами русских оружейных и оружейных мастеров, а также приглашать военных специалистов из Западной и Центральной Европы для обучения пехоты. Полевая артиллерия стала элементом русской армии. Похоже, в Русском государстве при Иване IV были хорошо осведомлены о последних технических разработках своего времени [Hellie 1972: 156–157; Чернов 1954: 100; Разин 1955: 400–401].

Однако, хотя все эти преобразования были очень важными и масштаб этих перемен был велик, они не повлекли за собой коренных изменений в военном устройстве Русского государства. Стратегия, основанная на набегах и высокой мобильности поместного войска, продолжала играть ключевую роль – как по военным, так и по политическим соображениям⁴⁷. Русское государство по-прежнему вело степную войну, как оборонительную, так и наступательную – это и походы против Казанского ханства, и ежегодный сбор войск для отражения набегов крымских татар, и новые расходы на строительство крепостей и содержание в них гарнизонов, сфор-

⁴⁶ Р. Хелли и Дж. Кип утверждают, что появление в русской армии отрядов стрельцов было обусловлено военными причинами. М. Брикс же особо подчеркивает тот факт, что, по его мнению, они выступили в роли политического противовеса помещикам [Hellie 1972: 161; Keep 1985: 60; Brix 1867: 93].

⁴⁷ Обоз русской армии во время похода на Полоцк и Оршу в 1564 году состоял всего из 5000 телег при численности войска 17 000–18 000 человек. Такое соотношение – одна телега на трех-четыре ратников – на удивление близко к стандарту, существовавшему в татарском войске – одна телега на пятирех [Collins 1975: 259].

мированных из служилых людей «по прибору». Политическая и военная значимость поместной конницы не ставилась под сомнение вплоть до самого конца правления Ивана IV.

Изменения в организации русских вооруженных сил, необходимые для эффективного ведения боевых действий против Ливонии, Литвы, Польши, Швеции и Османской империи, не изменили того факта, что русское войско по сути своей по-прежнему оставалось армией степного типа. Однако это не стало препятствием для внедрения и активного использования огнестрельного оружия. Москва вполне успешно брала на вооружение и применяла наиболее подходящие и технологичные новшества того времени в области фортификации, снабжения, нового артиллерийского и прочего вооружения, строительства крепостей и гарнизонной службы. В 1590-е годы в Западной Европе стали впервые использоваться тактические новшества с акцентом на использование пехоты, создателями которых были в первую очередь Мориц Оранский (1567–1625) и Вильгельм Людвиг Нассау-Дилленбургский (1560–1620). Однако ближайшие соседи Русского государства, Польша и Литва, не располагали большим количеством регулярных войск. Если говорить о военных инновациях в ближайших к Русскому государству странах, то самой прогрессивной из них была Швеция, задействовавшая иноземцев и крестьянское ополчение; русские стрельцы – пешие и конные – использовались несколько иначе, однако едва ли уступали шведам в эффективности. В долгосрочной перспективе оказалось, что самыми трудноразрешимыми задачами как для Русского государства, так и для его ближайших западных соседей стало исправление невидимых глазу внутренних системных изъянов, вскрывшихся в условиях длительной войны.

Казань

В годы регентства Елены Глинской и боярского правления (1533–1547) военным преобразованиям уделялось мало внимания. Правительство, раздираемое внутренними разногласиями, с трудом изыскивало ресурсы для отражения 20 с лишним крупных набегов крымских татар, случившихся в этот период. Влияние Москвы на Казань ослабло настолько, что в ходе очередной казанской междоусобицы московский ставленник был изгнан [Каргалов 1973: 141; Каргалов 2019; Pelenski 1974: 52]. Вполне вероятно, что военная политика Ивана IV и те задачи, которые он прежде всего пытался решить, сформировались именно вследствие всех этих многочисленных конфликтов с татарами, случившихся в его детские годы, однако в то время люди, находившиеся у власти, сделали очень мало для изменения военного устройства или внешнеполитического курса Русского государства.

Однако после венчания молодого Ивана на царство положение дел стало быстро меняться. При сильной поддержке со стороны Православной церкви Иван IV начал строить планы покорения Казанского ханства. Притом что для войны с мусульманским государством имелись серьезные идеологические причины, и Православная церковь, и правящая верхушка Русского государства прежде всего мечтали о захвате новых земель и поместий. Однако поход, состоявшийся в 1547 году, завершился неудачей. Во Львовской летописи сказано, что причиной поражения стали ранняя оттепель и таянье льда на Волге: «и пушки и пищали многие проваляшеся в воду...; и многие люди в продушинах потопоша»⁴⁸. Второй поход состоялся зимой 1549–1550 годов после известия о смерти хана Сафа-Гирея, сильного правителя и родственника правящей крымской династии. Проведя 11 дней у стен Казани под проливным дождем, русские войска вновь сняли осаду и отступили. Оба этих похода продемонстрировали (не в первый и не в последний раз), что Казань находилась слишком далеко от Москвы и русское войско могло проделать этот путь в оба конца за одну кампанию только в том случае, если погодные

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 2. С. 473–475, 477. Также цит. по: [История Татарии 1937: 113–115].

условия были близки к идеальным⁴⁹. Для решения этой проблемы на обратном пути на правом берегу Волги была построена крепость Свияжск. В отличие от своего предшественника Васильурска Свияжск был возведен на территории Казанского ханства, недалеко от самой Казани. Вместе с восстановленным Васильсурским Свияжск стал важным опорным пунктом во время следующего Казанского похода [Разин 1955: 355; История Татарии 1937: 123]⁵⁰.

Крепость Свияжск сыграла ключевую роль в противостоянии Москвы и Казани. С 1551 года народы, жившие в Среднем Поволжье, – мордва, чувашы, марийцы, татары и удмурты – стали присягать на верность Ивану IV. Из-за страха перед Свияжском и его гарнизоном Казань согласилась вновь возвести на ханский престол ставленника Москвы. Однако столь внезапное усиление Русского государства в этом регионе привело и к росту протестных настроений. Когда промосковский хан Шах-Али, не справившись с оппозицией, покинул Казань незадолго до третьего похода Ивана IV, завершившегося взятием этого города, споры о политическом будущем Казанского ханства привели к открытому восстанию; в нем приняли участие и чувашы с правого берега Волги. В 1552 году Москва стала готовиться к следующей крупной кампании против Казани.

Военные реформы

Почти одновременно с Казанскими походами правительство Ивана IV провело ряд реформ, которые сильно повлияли на устройство русской армии. Была создана система, позволившая более эффективно распоряжаться военными ресурсами государства: отчасти за счет более пристального контроля за ними, а отчасти за счет установления правил несения помещиками военной службы. В то же самое время появились первые постоянные войска, и в русских вооруженных силах все большую роль стали играть артиллерия и инженерные части. Некоторые из этих реформ, например, касающиеся артиллерийского дела и военных инженеров, стали результатом неудачных кампаний против татар. Другие – особенно в отношении поместной конницы – носили политический характер.

Частью этих реформ 1550-х годов стал новый масштабный военный проект на южных границах Русского государства. Недавние атаки крымских татар на эти земли имели своей целью отвлечь русские войска от действий, направленных против Казанского ханства. Для противостояния этим набегам уже была построена цепочка сторожевых крепостей, в которую входили Коломна, Кашира, Серпухов и Калуга. В период правления Ивана IV эта линия обороны (засечная черта) была дополнительно укреплена; главной крепостью всего этого региона стала Тула. В конце 1550-х годов началось строительство второй линии. Новая цепочка сторожевых крепостей пролегла дальше к югу и соединила Рыльск, Новгород-Северский, Орел, Новосил, Ряжск и Шацк; везде, где было возможно, гарнизоны этих крепостей были набраны из местных служилых людей «по прибору». Между старыми и новыми деревянными крепостями были сооружены земляные валы и засеки, мешавшие продвижению конницы; наряду с лесами, росшими в этих местах, они представляли собой эффективную защиту от крымских набегов и отодвигали границу Русского государства далее к югу. Эта стратегия обороны была возможной главным образом благодаря климатическим и географическим особенностям местности, в частности, непроходимым брянским лесам: татарской коннице было гораздо сложнее маневрировать в таких условиях, чем в открытой и поросшей травой степи [Багалея 1887: 36; Загоровский 1969: 23].

⁴⁹ Более подробно об этом говорится в одном из следующих разделов данной главы «Контурсы империи».

⁵⁰ В то время еще не так часто строили форпосты с постоянным гарнизоном, однако во Львовской летописи прямо говорится о том, что Свияжск был возведен именно в этих целях: ПСРЛ. Т. XX. Ч. 2. М., 1965. С. 497; см. также [История Татарии 1937: 114].

Также в 1550 году были образованы выборные стрелецкие отряды⁵¹. Эти войска представляли собой намного более эффективную силу, чем плохо обученные и призывавшиеся только на временную службу пищальники, воевавшие в армии Василия III и потом в 1540-х годах. Стрельцы получали жалованье, состояли на постоянной службе, регулярно практиковались в обращении с оружием и не распускались по домам в мирное время. Первые 3000 выборных стрельцов были разделены на 6 «статей» (отрядов) по 500 человек в каждой. Стрельцы «прибирались» в службу из «вольных» людей, однако обязаны были служить пожизненно и наследственно. Каждый вступивший в стрелецкое войско получал небольшой участок земли рядом с местом службы, а также денежное и хлебное жалованье от 4 до 7 рублей в год. Стрельцы носили единую форму – длиннополые красные кафтаны. Они были вооружены бердыщами и пищальми и обучались стрельбе на точность – настолько, насколько это было возможно с оружием того времени. В отличие от рядовых стрельцов, стрелецкими командирами назначались дворяне и дети боярские – служилые люди «по отечеству»; их звания и обязанности были такими же, как и в поместной коннице: сотник командовал двумя пятидесятниками, а те, в свою очередь, пятью десятниками каждый.

Первые стрелецкие части состояли в дворцовой страже. Когда же их стали задействовать в военных кампаниях, их роль на поле боя заключалась в том, чтобы вести массированный огонь по противнику. Как правило, стрельцы стреляли залпами из-за какого-то укрепления – крепостной стены, рва или гуляй-города; также их защищала конница. В русской армии пехота численно не превосходила другие рода войск и не представляла собой независимую тактическую единицу на поле битвы. В бою стрельцы, стоявшие за длинной стеной щитов гуляй-города, легко могли простреливать широкое пространство перед собой, и их действия были скоординированы с маневрами поместной конницы, которая защищала их от атак вражеской кавалерии. Однако возможности тактического использования стрельцов в таких условиях были очень ограниченными. Они не могли с легкостью менять свою позицию и перемещаться по полю боя – отчасти из-за малого количества командиров. Поэтому стрельцы, как правило, не вступали в рукопашный бой, все время оставаясь под защитой стен. Что любопытно, авторитет стрельцов со временем вырос настолько, что их неудачи обычно объяснялись ошибками в обращении с гуляй-городом.

Такое использование стрельцов было весьма необычным. В Западной Европе того времени пехота нередко осуществляла самые различные маневры на поле боя, однако это происходило на ограниченном пространстве, и европейские мушкетеры выстраивались в ошестинившиеся пиками компактные каре [Parker 1996: 18] – иначе говоря, действовали в совершенно других боевых условиях. Первые свидетельства о том, как русские стрельцы вели залповый огонь, выстроившись в длинные и не защищенные укреплениями линии, относятся к началу XVII века⁵². Этот эксперимент (проведенный под командованием европейских офицеров) по времени приблизительно совпал с началом использования залпового огня в голландской армии, однако так и не получил широкого распространения в Русском государстве, где привычное расположение стрельцов на поле боя и так давало им возможность вести массированный огонь и простреливать широкое пространство перед собой.

Вскоре стало понятным, что у постоянных стрелецких полков есть и другое полезное применение. Такие части стали все чаще создаваться в провинциальных городах Русского государства. Получая жалованье, стрельцы могли нести круглогодичную гарнизонную службу, не испытывая необходимости отлучаться в свои земли и поместья для ведения сельского хозяй-

⁵¹ А. В. Чернов считает возможным, что стрелецкие отряды возникли ранее и принимали участие в боевых действиях против казанских татар в 1546 и 1547 годах [Чернов 1951: 283–284].

⁵² Битва при Добрыничах, см. главу четвертую.

ства. К концу XVI столетия в городах и крепостях Русского государства служили в общей сложности 20 000–25 000 стрельцов [Чернов 1954: 46–50, 82–85; Hellie 1972: 162–163].

Многие историки считают, что пехота стрельцов была создана для успешного действия против польской и шведской пехоты того времени, и, действительно, в годы правления Ивана IV стрельцы занимались именно этим [Марков 1886: 110]⁵³. Однако русские вооруженные силы представляли собой более единую и целостную структуру, чем могло показаться на первый взгляд, и стрельцы выполняли в них самые разные обязанности в зависимости от того, что требовалось в данный момент времени. Появившись в середине XVI века, они впервые были задействованы в боевых действиях в ходе Казанских походов, где не только участвовали в боях, а тоже обстреливали защитников казанской крепости во время осад⁵⁴. Иван Пересветов, светский писатель, публицист того времени, еще до 1550 года писал о необходимости создания постоянных частей, которые будут размещены в крепостях на границе со степью, и стрельцы действительно активно привлекались к гарнизонной службе, причем не только для защиты от татар [Зимин 1956: 175]. Большая часть наших предположений о причинах создания постоянной пехоты и внедрения прочих военных инноваций основана на результатах этих действий. Увеличение численности стрелецкого войска и тот факт, что оно с течением времени стало играть все более важную роль в военном устройстве Русского государства, приводят нас к тому выводу, что стрельцы были тем инструментом, который позволял Ивану IV решать весь комплекс военных задач, возникавших перед ним в процессе расширения его империи.

Помимо дорогостоящих, но ценных стрельцов в состав русских вооруженных сил были включены и другие служилые люди «по прибору». Их было меньше, чем стрельцов, но они тоже получали жалованье, проходили боевую подготовку и наряду с пехотой участвовали в осадах крепостей и состояли на гарнизонной службе. К таким людям относились пушкарки, которые учились артиллерийскому делу на ходу, а также саперы и минеры. Они использовали те военные технологии и инновации, о которых шла речь выше. На службе русского царя было много казаков, значительную часть которых составляли беглые люди, жившие на границе со степью; некоторые из них какое-то время состояли во вспомогательных войсках. При Иване IV появились «городовые казаки», поселившиеся при пограничных крепостях. В обмен на некое жалованье – долю в общинной земле, иногда деньги и льготы по торговле – они селились рядом с укрепленными городами и были готовы в любой момент защищать их. Несмотря на то что все это очень сильно напоминало поместную систему, русское правительство относилось к казакам к более низкому по отношению к помещикам сословию – так же, как и стрельцов и прочих служилых людей со скромными доходами. Из-за этого низкого социального статуса казаки не могли претендовать на получение поместий и на престиж, которым обладала поместная конница. Этих городских казаков не следует путать с «вольными казаками», жившими на землях, неподконтрольных Русскому государству, в частности, в низовьях Дона и Днепра [Чернов 1954: 86–91; Баиов 1909: 68, 70; Загоровский 1969: 29–30].

Несмотря на всю несомненную пользу, приносимую постоянными войсками, услуги профессиональной армии обходились Русскому государству очень дорого. Выплачиваемое круглый год жалованье, а также обучение и содержание все большего количества служилых людей «по прибору» выкачивали из правительственной казны огромные средства – особенно по сравнению с поместным войском, которое почти полностью находилось на самообеспечении. Отчасти решить эту проблему позволили административные реформы, в результате которых были созданы отдельные специализированные ведомства. В 1571 году уже был известен Стрелецкий приказ, в ведении которого находились различные служилые люди «по прибору» – главным образом стрельцы и городовые казаки. Была введена особая стрелецкая подать, причем ее раз-

⁵³ Цит. по: [Hellie 1972: 161].

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 2. М., 1965. С. 519; см. также [История Татарии 1937: 120–121].

мер зависел не от доходов населения, а только от потребностей государства. То есть высчитывалась сумма, необходимая для содержания постоянной армии, и делилась между всеми русскими налогоплательщиками [Милюков 1905: 42–67]. Податное население Русского государства росло не так быстро, как стремительно увеличивающееся в размерах стрелецкое войско, и потому этот налог с течением времени становился все более обременительным. Фискальная нагрузка тем более увеличилась, поскольку сельское хозяйство испытывало трудности в связи с наступлением Малого ледникового периода⁵⁵; кроме того, крестьяне должны были во время военных кампаний содержать еще и поместное войско. Ближе к концу столетия, в связи с увеличением числа стрельцов и, соответственно, ростом расходов на их содержание, были приняты временные меры, которые позволили отчасти выправить ситуацию: стрельцам, служившим не в столице, были предложены льготы по торговле и участки земли; в результате они стали меньше зависеть от получаемого жалованья. Однако у этих мер была и обратная сторона. Они действительно позволили снизить фискальную нагрузку податного населения, но вместе с тем сделали стрелецкое войско полупостоянным, так как теперь стрельцы часть времени тратили на дела, не связанные с несением службы. В конце XVI века стрельцы так много внимания уделяли ведению собственного хозяйства, что фактически мало чем отличались от городских казаков [Чернов 1954: 84–85].

Мы видим, что при Иване IV – как и в других случаях – именно перемены в сложно устроенной военной организации Русского государства привели к важнейшим реформам налоговой и административной систем. Более подробное ведение записей и создание специализированных ведомств помогло не только укрепить русскую армию и ввести в ее состав постоянные части, но и изыскать средства на ее содержание. Судя по всему, большая часть этих реформ была направлена на поместную конницу.

Правительство Ивана IV приняло целую серию мер, направленных на улучшение сбора податей и повышение доходов государства, для того чтобы компенсировать возросшие военные расходы. В начале правления Ивана проводились межевания, целью которых было выяснить, кому принадлежат те или иные пригодные для ведения сельского хозяйства территории, чтобы все не имевшие владельца пахотные земли могли быть переданы новым помещикам. Кроме того, Иван IV рассматривал возможность секуляризации церковных земель. Была введена единая единица взимания налогов – большая соха, – которая позволила распределить фискальную нагрузку более равномерно. Постепенно ограничивались полномочия наместников, были отменены кормления и сокращена отдача налогов на откуп. Представители новых органов местного самоуправления – в частности, земские старосты – обладали меньшей личной властью, и их злоупотребления легче было пресекать. Собираемые ими пошлыны и налоги были фиксированными и вносились в писцовые книги, поэтому в столицу стало поступать большее количество средств [Dewey 1965: 37–38]⁵⁶. Чтобы увеличить доходы государства, Иван IV поощрял торговлю – вниз по Волге, на Балтике и через Белое море; все это тоже облагалось пошлынами. У Москвы появились важные торговые партнеры – Османская империя, Англия (проложившая торговый путь на север Русского государства в 1550-е годы) и города на Балтике. Русская экономика процветала, по крайней мере, до 1560-х годов. Она поддерживала растущую фискальную нагрузку, и доходы государства росли [Zlotnik 1965: 253].

Должным образом стал вестись воинский учет, который раньше, судя по всему, существовал только в головах местных бояр и старейшин. С 1552 года, когда была взята Казань, еще до сбора поместной конницы стали составляться списки местных помещиков, которые должны были прибыть для прохождения службы. С 15 лет и до выхода в отставку, ранения

⁵⁵ Малый ледниковый период – период глобального относительного похолодания, имевший место на Земле в течение XIV–XIX веков. Самый холодный период по среднегодовым температурам за последние две тысячи лет. Был ответственен за неурожаи, голод и пандемии по всей Европе, в результате чего погибли миллионы людей. – *Примеч. ред.*

⁵⁶ См. также Судебник 1550 года [Греков 1952].

или смерти конники должны были являться на периодические смотры войск, и эта обязанность теперь была закреплена в письменном виде. На этих сборных пунктах писец делал записи о количестве лошадей, амуниции и физическом состоянии каждого помещика и всех тех, кто его сопровождал. Цель этих смотров заключалась в том, чтобы заставить помещиков соблюдать минимальные требования к несению службы, а не заставить их перейти на более современное вооружение. Конному воину по-прежнему достаточно было иметь при себе кольчугу или стеганую куртку, железный шлем, лук со стрелами и саблю. Конники, явившиеся на смотр с неполной амуницией, облагались штрафом. После смотра помещики (и их челядинцы) распускались по домам, призывались для участия в осаде, отправлялись в дальний поход или на юг в помощь войскам, готовым отразить нападение татар на какую-нибудь пограничную крепость [Разин 1955: 306–307, 327–330, 338–341; Чернов 1954: 75–82]⁵⁷. Порядок несения службы становился все более регламентированным. Помещики из некоторых областей стали получать предсказуемые назначения из года в год и проходили службу в одном и том же полку. Иными словами, конники из Муромы могли, например, всегда входить в состав Большого полка войска, отправляющегося в какой-либо поход. Кроме того, командные должности в этом полку также каждый раз доставались людям из той же группы. Таким образом, даже в нерегулярной армии сохранялось более-менее постоянное командование, и люди в этом войске выполняли привычные обязанности [Петров 2004: 39].

В 1556 году было принято Уложение о службе – законодательный акт, который впервые определил порядок службы для владельцев вотчин и поместий. Согласно Уложению, помещик или вотчинник обязан был с каждых 100 четей (около 50 га) «доброй угодной пашни в поле» выставить по одному ратнику «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход – «при двух конях». Уложение о службе обозначило новую веху во внутренней политике Русского государства, так как в нем порядок несения службы был единым как для владельцев поместий, так и для вотчинников, которые получили свои земли по наследству. Тем, кто выставял большее количество ратников, чем предписывалось Уложением, увеличивалось денежное жалованье. Чтобы выполнить или превзойти эти требования, землевладельцы приезжали на сборные пункты не только с обозными холопами, но и с боевыми. По подсчетам Р. Хелли, около трети ратников в армии Ивана IV были холопами, то есть рабами [Hellie 1982: 468]. Несоблюдение требований Уложения о службе было чревато лишением поместья или вотчины, зато те, кто выставял больше ратников, получали денежное жалованье и могли претендовать на продвижения по службе, а следовательно, и на новые земли и более высокий социальный статус. Все эти меры – в том числе и штрафы, полагавшиеся за нарушение предписанных норм, – помогли стандартизировать порядок прохождения службы, сформировать конные полки с предсказуемой численностью и единой структурой и упростили процедуру призыва [Скрынников 1975: 60; Скрынников 2001; Баиов 1909: 68; Davies 1999: 153]⁵⁸. В ходе своего долгого правления Ивана Грозный вел нескончаемые войны, и именно это регламентирование порядка несения службы – наряду с налоговой реформой и созданием постоянного войска – дало возможность Русскому государству справиться с этой возросшей военной нагрузкой.

Регламентирование столь сложной системы было бы невозможным без надлежащего документооборота, и в правительственном аппарате Русского государства возникли новые специализированные структуры. Такие ведомства, называемые «избами», существовали уже в 1540-х и 1550-х годах. С 1566 года одна из них – Разрядная изба – стала ведать всеми делами, связанными с поместной конницей, смотрами, назначениями на командные должности

⁵⁷ См. также АМГ. Т. II. № 85.

⁵⁸ Также это регламентирование привело к укреплению системы должностей военно-придворной службы, так как представители «служилых людей городовых» получили теоретическую возможность попасть в «служилые люди московские» (их было четыре, и выше были только «служилые люди думные»). См. великолепный анализ этого у Кипа [Keep 1985: 29–34]. Благодаря этому возникли «служилые города».

и порядком несения службы. Усиление роли бюрократии позднее нашло отражение в изменении номенклатуры этих ведомств: «избы» стали называться «приказами». Разрядный приказ стал центральным государственным учреждением, органом военного управления. В какой-то степени его деятельность была скоординирована с деятельностью других военных ведомств, например, Стрелецкого приказа [Бобровский 1885: 64, 66; Рое 1997: 372–375]. Кроме того, возросшее влияние государственного аппарата привело к возникновению двух новых высоких чинов. В Боярскую думу – высший совет Русского государства, обладавший огромной политической властью, – вошла верхушка русской бюрократии: думные дворяне и думные дьяки. Последние назначались на особенно важные административные должности.

Реформы, проведенные по политическим причинам, имели серьезные последствия и для русской армии. Принято считать, что в ранние годы своего правления Иван Грозный и его окружение, стремясь стабилизировать ситуацию при дворе, пытались ослабить коллективное политическое влияние главных боярских родов или, возможно, каким-то образом обновить служилое население столицы. Так, например, в 1550 году Иван IV наградил 1000 помещиков из не самых знатных дворянских семей землями вокруг Москвы и вместе с этим дал им право участвовать в жизни двора. Одновременно с этим бояре и другие придворные обнаружили, что их амбиции теперь оказались направлены в другое русло и даже, можно сказать, урезаны. Так, из-за постепенной отмены института наместничества бояре могли теперь проявить себя и продвинуться по службе только при дворе или в армии⁵⁹. Наконец, было ограничено местничество – в том, что касалось назначения на военные должности. Безусловно, московские государи и раньше использовали свою власть для того, чтобы местнические споры не мешали нормальному функционированию армии. Однако при Иване IV такие споры стали возникать при московском дворе все чаще. Когда разногласия между командирами из-за того, кто из них занимает более высокое положение, привели к неудаче Казанского похода 1549 года, Иван принял решение о проведении военных кампаний «без мест». Иначе говоря, командиры, участвовавшие в таких походах, получали назначения вне зависимости от своего положения, и все споры на эту тему были строжайше запрещены. В последующие годы количество таких кампаний «без мест», где высшие должности выдавались, предположительно, согласно личным заслугам, существенно возросло. Впрочем, на самом деле Иван IV не отменил, а лишь урегулировал местнические счета [Зимин 1956: 347–348; Чернов 1954: 53]⁶⁰.

Правительство Ивана IV принимало и другие меры, направленные на экономическую поддержку поместной системы. В Судебнике 1550 года было сохранено постановление из Судебника 1497 года, согласно которому крестьянин мог перейти к новому хозяину только после сбора урожая и уплаты всех пошлин. Благодаря этому землевладельцы могли меньше беспокоиться об оттоке рабочей силы. Кроме того, поскольку вошло в обычай наделять новыми поместьями всех сыновей помещиков по достижении ими совершеннолетия, в Русском государстве, как уже было сказано выше, были проведены перепись и перераспределение земель⁶¹.

Наконец, в 1549 году в Москве состоялся первый Земский собор, в котором приняли участие представители всех сословий, кроме крестьянского. На таком соборе царь и его советники могли получать информацию из провинции напрямую, а не от наместников-бояр, институт которых постепенно упразднялся. Второй Земский собор 1566 года поддержал намерение правительства Ивана IV продолжать Ливонскую войну.

⁵⁹ Фон Штаден писал, что Иван нуждался в боярах для ведения войн [Staden 1967: 63; Штаден 2008].

⁶⁰ Детальный обзор посвященной этой теме исторической литературы см. в комментариях к Сборнику «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века» [Мюллер, Носов 1986: 10–11].

⁶¹ Подробное описание земель, произведенное в царствование Ивана IV, также позволило улучшить сбор податей [Бобровский 1885: 69].

Контурсы империи

Заложив всеми этими реформами прочный фундамент своей военной политики, в начале июня 1552 года Иван IV по главе русского войска выступил в новый поход против Казани. Логистика этой военной кампании была тщательно продумана. Первыми на судах вниз по Волге в недавно отстроенную деревянную крепость Свияжск были отправлены пехотные части (стрельцы), артиллерия и припасы. Хотя крымские татары предприняли набег на южные границы Русского государства, чтобы отвлечь внимание остального войска, передвигавшегося по суше, эта попытка окончилась неудачей: к середине августа русская конница, которой командовал князь Александр Горбатый-Шуйский, прибыла в Свияжск. Несмотря на тщательную подготовку к этому походу, дорога до Казани заняла у русского войска почти шесть недель. С учетом того, что военные кампании не могли длиться долго, вопрос тылового обеспечения становился ключевым, и у этой проблемы не было решения. Каким образом Русское государство могло перебросить свою конницу, не говоря уж о пехоте, артиллерии и обозе, через огромную и малонаселенную степь (и обратно), не затягивая кампанию сверх меры и не истощив при этом все заготовленные припасы?

В 1552 году Ивану IV сопутствовала удача – Казанское ханство быстро пало. От Свияжска воссоединившееся русское войско, почти не встречая сопротивления, прошло маршем до Казани и осадило столицу ханства. Большой и Передовой полки подступили к городу с юго-востока и расположились на Арском поле, как и в 1550-м году [Худяков 2004: 22–23]⁶². Вылазки татар не помешали русским установить против восточной стены трехэтажную осадную башню (туру) и обнести ее окопами и валами; все эти саперные работы проходили под прикрытием стрельцов. После этого началась планомерная осада города. Главной защитой Казани от Русского государства являлось расстояние, отделявшее столицу ханства от Москвы; после того, как Ивану IV удалось решить эту задачу, татары оказались в очень тяжелом положении. Казанское войско было не таким многочисленным, как русское, хотя в нем тоже были и пехота, и конница. Защитники города были вооружены пищалями и пушками, но стены казанской крепости не могли долго выдерживать артиллерийский обстрел. После того, как русские саперы подорвали подземную галерею, обеспечивающую Казань питьевой водой, татарская столица была обречена, хотя взятие ее состоялось только 2 октября 1552 года в результате приступа и после кровопролитного боя [Khodarkovsky 2002: 105; Ходарковский 2019; Ермолаев 1982: 26; Hellie 1972: 162; Марголин 1948a: 93].

Однако падение Казани не привело к мирному вхождению Казанского ханства в состав Русского государства. Для умиротворения татар потребовалось еще несколько лет и военных кампаний. В ходе осады 1552 года Казань была разграблена, и многие ее жители погибли или бежали из города. Бывшая столица ханства была отстроена заново – как русский город и православный центр. Частью новых укреплений стали стены Зилантова Успенского монастыря. На севере и в центре Казанского ханства были построены крепости Алатырь (1552) и Чебоксар (1555), в которых были посажены гарнизоны, удерживавшие в повиновении татар, живших вне столицы. Хотя часть покоренного населения ханства присягнула на верность московскому царю, партизанская война против русских захватчиков началась сразу же после падения столицы. Двухлетнее восстание 1553–1554 годов было подавлено карательными силами русских войск, в результате которых погибли многие тысячи татар и обезлюдели огромные территории. Вскоре после этого были основаны еще три или четыре монастыря, мощные стены которых

⁶² План см. [История Татарии 1937: 120]. Оценки численности русского войска очень сильно разнятся [Martin 1995: 352; Hellie 1972: 270].

тоже служили укреплениями. Тем временем за стенами Казанской крепости возникла новая татарская слобода.

И даже после всех этих событий установление русской власти в Казанском ханстве шло медленно и тяжело. В 1556 году Ивану IV пришлось отправить в Казань более трех карательных экспедиций для подавления татарских волнений. К 1558 году для защиты от набегов со стороны открытой степи на территории бывшего ханства были построены три новые крепости, а к середине 1570-х годов к ним добавились еще три: вместе они сформировали новую линию укреплений. Несмотря на продолжавшееся сопротивление местного населения, Иван IV начал постепенно раздавать захваченные земли помещикам – в том числе и татарам. В некоторых аспектах вхождение Казанского ханства в состав Русского государства происходило по тем же лекалам, что и в предыдущих случаях – принудительное изъятие имущества у прежней элиты, перераспределение земель и строительство линии укреплений. Вместе с этим проводились карательные походы и возводились новые крепости, в которых насаживались русские гарнизоны. Однако при всем этом Казанское ханство так полностью и не стало частью единой административной системы Русского государства, как Новгород или Тверь. Его исповедовавшие ислам князья не заняли высоких мест при московском дворе. Для управления бывшим ханством было создано специальное ведомство – Приказ Казанского дворца. Казань продолжала оставаться особым элементом в структуре Русского государства. То же самое касалось и военных отрядов – татарских, чувашских, марийских и прочих, – которые входили в состав русского войска, но явно находились в нем на особом положении [Romaniello 2003: 22–23; Pelenski 1974: 268; Худяков 2004: 130–138; Ермолаев 1982: 26, 28, 36; История Татарии 1937: 157, 168–169]⁶³

⁶³ См. также раздаточные материалы к докладу М. Романелло «Perceptions of Frontiers and Borders in Muscovite History», представленному в рамках круглого стола AAASS в Бостоне 6 декабря 2004 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.